БРАКЪ
ПО
КАЛЕНДАРЮ,
КОМЕДІЯ
ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переведена съ Польскаго языка.

А. А.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1779 ГОДА.

✦ ✦
✦

Дѣйствующія лица:

СУЕВѢРОВЪ, Старинный Шляхтичь, или Дворянинъ Польскій.

ЗНАТОКОВА Вдова, сестра Суевѣрова.

ЕЛИСАВЕТА, Дочь Суевѣрова.

МОТОВЪ, Дворянинъ Польскій.

ЭРНЕСТЪ Чужестранецъ, Полковникъ регулярныхъ войскъ Польскихъ.

АГАФЬЯ, Служанка Знатоковой.

ХУДЯКОВЪ, Конюхъ Мотова.

ИВАНЪ, Слуга Эрнестовъ.

АНСЕЛЬМЪ, Старой купецъ.

Дѣйствіе въ Варшавѣ, въ домѣ госпожи Знатоковой.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Въ первой разъ еще въ прошедшемъ 1778 году переведена съ Польскаго на Россійской языкъ и напечатана комедія Мотъ или Расточитель; но какъ въ предъувѣдомленіи оной дано знать публикѣ, что та комедія сочинена въ подраженіе Французской де Тушевой, Dissipateur называемой, или почти та же самая переведена и названа по Польски; Marnotrawca то изъ сего и не можно здѣлать заключенія о Польскомъ вкусѣ, въ разсужденіи Театра. Что самое и побудило перевесть съ того же языка сію комедію, называемую Malzenstvo z Kalendarza, то есть: Бракъ по Календарю, сочиненную безъ подражанія, и точно въ Польскомъ вкусѣ Б... Т... Господиномъ Н... человѣкомъ весьма разумнымъ, ученымъ и просвѣщеннымъ. И которая совершенное подать можетъ публикѣ понятіе о Польскомъ вкусѣ; а на сей только конецъ и употребленъ былъ трудъ въ переводѣ оной.

):(

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ скоро только окончана была сія Комедія, то разные о ней здѣлались толки. Одни приняли ее благосклонно, а другіе оказали свое неудовольствіе, потому болѣе, что будто бъ симъ частнымъ обличеніемъ порока, повреждался характеръ цѣлаго народа.

Не знаю, что ихъ въ семъ мнѣніи утверждаетъ. Но буде обличающій нѣкоторыхъ частныхъ людей дурныя дѣла, считаться долженъ оскорбителемъ цѣлаго общества; то отъ сего обвиненія не могутъ свободны быть ни церьковныя учители, обличающія въ паствѣ своей беззаконія; ни судіи, приговаривающіе къ наказанію преступниковъ, выражая подробно въ приговорѣ своемъ всѣ, ими учиненныя злодѣйства.

Всякой народъ имѣетъ людей злыхъ и добрыхъ, глупыхъ и разумныхъ, грубыхъ и просвѣщенныхъ; въ каждой землѣ есть такіе пороки, которые Театръ въ смѣшномъ видѣ представить можетъ и омерзить ихъ зрителямъ. Англичане, Французы,

цузы, Нѣмцы и Италіанцы, всѣ осмѣиваютъ пороки свойственные ихъ націямъ. Сей одинъ и есть только предмѣтъ Театра, что бъ пріятнымъ образомъ произвесть въ людяхъ къ нимъ омерзѣніе.

Думаютъ нѣкоторыя, что господинъ Суевѣровъ, въ Комедіи сей такимъ невѣждою описанъ, какого въ народѣ нашемъ сыскать не можно. Онъ тутъ изображенъ грубаго воспитанія, упражняющійся только въ хлѣбопашествѣ и хозяйствѣ, не бывая ни въ какомъ городѣ, кромѣ того только, къ которому принадлежали его деревни. Слѣпо повинуется Календарю, вѣритъ снамъ, чужестранцовъ почитаетъ за ничто, и думаетъ, что Нѣмецъ Католикомъ быть не можетъ, и что вся Германія не иначе, какъ Протестанской вѣры. Но не сыщется ль еще и нынѣ такихъ невѣждъ государства нашего въ отдаленныхъ провинціяхъ? которые и по днесь такія жъ имѣютъ мысли.

Я не думаю, что бъ могло сіе здѣлать вредъ всему народу Польскому, что Суевѣрову приписаны такіе пороки, которымъ смѣяться должно, что Агафья не хочетъ

выпити

выпти за Дворянина, что Мотов представлен человѣком негодным, что Эрнест перед ним превознесен. Мнѣ кажется, что всякій разумный человѣк, желал бы лучше имѣть зятя человѣка честнаго и разумнаго чужестранца, нежели одноземца, бездѣльника и мота.

Наконец же и самыя слова говоренныя Эрнестом в послѣднем явленіи сей Комедіи на стра: 70, довольно извиняют ее от нареканія тѣх, коим угодно было против ее вооружиться: *Не дѣлает то порока, (говорит он) имени Дворянскому, когда между ими найдется иногда человѣк негодной: каждая страна такими людьми обилует. Что ж принадлежит до почтеннаго народа Польскаго, то признаться должно, что он вообще у всѣх в почтеніи, и многіе за честь себѣ считают, быть принятыми в его сообщество.*

):(

БРАКЪ
по
КАЛЕНДАРЮ,
КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРЬВОЕ.

Явленіе I.

ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ.

Понять не могу, что севодни вамъ здѣлалось, сударыня! я еще ни когда васъ такъ огорченну не видала.

ЕЛИСАВЕТА. Охъ Агафья! оставь меня пожалуй!

АГАФЬЯ. Боже мой! развѣ день сей можетъ огорчать васъ? въ которой должны вы приготовляться къ браку!

ЕЛИСАВЕТА. То-то и есть, что меня беспокоитъ.

АГАФЬЯ. Можетъ ли то беспокоить васъ, сударыня, что вы за мужъ идете? развѣ вы хотите быть монахиней?

ЕЛИСАВЕТА. Я монахиней! не съ ума ль сошла ты?

АГАФЬЯ. Что жъ такое, ни въ монахини, ни замужъ нейдете? Я ожидала, что севоднишніи день, для всѣхъ насъ будетъ самой веселой. Моя госпожа, а ваша тетушка, призвала сюда вашего батюшку: онъ на то позволяетъ, все готово, и ничто не препятствуетъ къ вашей свадьбѣ. Господинъ Эрнестъ, вашъ женихъ, имѣетъ всѣ тѣ таланты, которыми можетъ нравиться прекрасному полу. Слуга ево Иванъ и половину ево не стоитъ; однако я не думаю ему отказать, ежели онъ послѣдуетъ господина своево примѣру. . . Но вы, кажется плачете, сударыня?

ЕЛИСАВЕТА. Ахъ Агафья! не все ты знаешь, что здѣсь дѣлается.

АГАФЬЯ. Чтожъ бы такое было?

ЕЛИСАВЕТА. Послушай: я принуждена открыть тебѣ все, что имѣю на сердцѣ. Ты знаешь, что тетка моя, видя грубое воспитаніе, которое преподавалъ мнѣ въ деревнѣ мой отецъ, взяла меня сюда въ Варшаву, гдѣ я живу уже три года. Мать моя больше мнѣ не могла бы здѣлать, сколько я одолжена ею.

АГАФЬЯ. Это правда: она васъ очень любитъ, сударыня.

ЕЛИСАВЕТА. Я это очень знаю: она видя мою склонность, призвала сюда моего отца, что бъ выдать меня за Эрнеста.

АГАФЬЯ. Я ево очень почитаю, Сударыня!

ЕЛИСАВЕТА. Сами непріятели ево признаться могутъ, что онъ человѣкъ благородной, почтенной и разумной.

АГАФЬЯ. И слугу очень хорошева имѣетъ.

ЕЛИ-

ЕЛИСАВЕТА. То-то меня больше и беспокоитъ, что я севодни столь дойстойнаго человѣка теряю.
АГАФЬЯ. Какъ это быть можетъ? вить тетушка. . .
ЕЛИСАВЕТА. Тетка мнѣ добра желаетъ; но отецъ. . .
АГАФЬЯ. Что отецъ?
ЕЛИСАВЕТА. Не хочетъ меня за нево выдать.
АГАФЬЯ. Для чево?
ЕЛИСАВЕТА. Для тово, что онъ чужестранецъ.
АГАФЬЯ. Развѣ въ этомъ есть что дурное, чтобъ быть чужестранцемъ?
ЕЛИСАВЕТА. У нево, кто не Полякъ, тотъ ничево не стоитъ.
АГАФЬЯ. Однако же онъ все приуготовленіе дѣлаетъ къ свадьбѣ.
ЕЛИСАВЕТА. Правда.
АГАФЬЯ. За хово же онъ хочетъ выдать васъ, сударыня?
ЕЛИСАВЕТА. За тово! кого духъ мой терпѣть не можетъ!
АГАФЬЯ. За хово, однакожъ, сударыня?
ЕЛИСАВЕТА. За Мотова.
АГАФЬЯ. За нево-то! Естли у нево разумъ? видно, что онъ не хорошо ево знаетъ.
ЕЛИСАВЕТА. Конечно не знаетъ; но такъ въ нево влюбленъ, что думаетъ, будто не может уже лутче ево жениха сыскать мнѣ.
АГАФЬЯ. Кто же отца вашего ввелъ въ такія мысли?
ЕЛИСАВЕТА. Развѣ онъ не можетъ самъ себя выхвалить? ты знаешь, что отецъ

мой упражняется только въ хозяйствѣ, рѣдко обхожденїе имѣетъ съ людьми, и по тому, очень мало въ людяхъ знающъ.

АГАФЬЯ. Это для меня очень чудно! но для чево вы, сударыня, давно мнѣ о семъ не сказали?

ЕЛИСАВЕТА. Я сама до сихъ поръ не знала; тетка моя, теперь только мнѣ о томъ знать дала.

АГАФЬЯ. Развѣ и тетушка. . .

ЕЛИСАВЕТА. Тетка сама о томъ соболѣзнуетъ.

АГАФЬЯ. Что жъ вы, сударыня, думаете?

ЕЛИСАВЕТА. Сама не знаю, что со мною теперь будетъ; то только мнѣ извѣстно, что я въ то самое время погибать начинаю, въ которое ожидала быть щаст. ивой.

АГАФЬЯ. И Эрнестъ бѣдной огорченъ будетъ.

ЕЛИСАВЕТА. Не сумнѣваюсь.

АГАФЬЯ. И слуга ево, не знаю, что на то скажетъ. Онъ бѣдной думалъ, что и мы за однимъ зборомъ . . . Охъ! у меня ужъ сердце замираетъ.

ЕЛИСАВЕТА. Я не знаю, что мнѣ съ собою дѣлать.

АГАФЬЯ. Когда такъ, то время уже намъ о себѣ подумать. Тотчасъ, какъ бы это. . Постойте сударыня. . . Но нѣтъ... Это не можно. Да; говорилъ ли вамъ, что о томъ самъ отецъ вашъ?

ЕЛИСАВЕТА. Не говорилъ ничево еще.

АГАФЬЯ. Вы, сударыня, скажите ему безъ обиняковъ, что Мотовъ безсовѣстной плутъ, и что вы за нево итти не хотите.

ЕЛИСА-

ЕЛИСАВЕТА. Ахъ! могу ль я то ему сказать! онъ вѣрно за то завезетъ меня въ деревню.

АГАФЬЯ. Такъ по крайней мѣрѣ просите его, что бы онъ отложилъ до другова времени свадьбу.

ЕЛИСАВЕТА. Это можно. Но тише, вотъ онъ идетъ, что я скажу ему нещастная!

Явленїе 2.

СУЕВѢРОВЪ, ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Здорова ль ты дочь? что тебѣ севодни во снѣ видѣлось?

ЕЛИСАВЕТА. Ничево, сударь.

СУЕВѢРОВЪ. А мнѣ снилось, что я тебя севодни здѣлаю щастливою.

ЕЛИСАВЕТА. Щастье мое сударь, въ рукахъ вашихъ.

СУЕВѢРОВЪ. Правда: ты моя дочь, люблю тебя, видя въ тебѣ хорошїя дарованїя! хотя нѣсколько и заражена Варшаскимъ повѣтрїемъ; но тому тетка твоя виною, которая взяла тебя на свое воспитанїе. Была бы ты еще лутче, нежели теперь, когда бы воспиталась у меня въ домѣ; я бы лутче тебя научить могъ.

АГАФЬЯ. Конечно.

СУЕВѢРОВЪ. Я на это великой мастеръ. Когда я былъ молодъ, то другїе всегда поступкамъ у меня учились.

АГАФЬЯ. Это въ васъ и теперь, сударь, примѣтно.

СУЕВѢРОВЪ. Я и теперь въ томъ не промахъ. Чѣму человѣкъ смолоду научится, то и подъ старость помнитъ; но оставимъ это, надобно поговорить о дѣлѣ. Севодни,

Елисавета, будешь ты то имѣть, чево дѣвицы въ твоихъ лѣтахъ не терпѣливо желаютъ.

ЕЛИСАВЕТА. Что же бы это, сударь, такое?

СУЕВѢРОВЪ. Мужа, ха! ха! ха! Развѣ не отгадалъ я. Ха! ха! ха!

ЕЛИСАВЕТА. Я не такъ еще стара, сударь, чтобъ этимъ спѣшить должно.

СУЕВѢРОВЪ. Думаю, что объ этомъ мнѣ не скажешь правды. Вы женщины стыдитесь въ томъ признаться, что больше всево вамъ пріятно; но мнѣ не противно, что ты имѣешь стыдъ приличной женскому полу. А знаешь ли, ково я для тебя выбралъ?

ЕЛИСАВЕТА. Я о томъ не любопытствую, сударь.

СУЕВѢРОВЪ. Это чудно! женщина, а не любопытствуетъ, да еще и объ такомъ дѣлѣ. Послушай же: двое о тебѣ стараются, перьвой, господинъ Полковникъ Эрнестъ. Знаешь ли ты ево?

ЕЛИСАВЕТА. Видала, сударь, нѣсколько разъ ево у моей тетки.

СУЕВѢРОВЪ. Должно признаться, что Кавалеръ достойной; я его уже давно знаю, человѣкъ почтенной, основательной, ученой и вездѣ принятъ.

АГАФЬЯ. Это правда.

СУЕВѢРОВЪ. Природы такъ же, какъ сказываютъ, хорошей; но то въ его отечествѣ, а не въ нашемъ краѣ. А паче всево, что у нево и денешки водяться. Одинъ только имѣетъ порокъ, для котораго не могу тебя за нево выдать.

ЕЛИСАВЕТА. *Тихо.* (Сего нещастія я и ожидала!)

СУЕВѢРОВЪ. Ты отворачиваешься? разумѣю: хорошо, что и сама за нево не хочешь.
АГАФЬЯ. Мнѣ кажется, что въ немъ, сударь, ни малаго нѣтъ порока.
СУЕВѢРОВЪ. О! есть и гнусной!
АГАФЬЯ. Какой же бы, сударь?
СУЕВѢРОВЪ. Тотъ, что онъ не Дворянинъ.
АГАФЬЯ. Я слышала, что Дворянинъ, да вы и сами сударь сказали, что онъ хорошей природы.
СУЕВѢРОВЪ. Чужестранецъ, а Дворянинъ. Ха! ха! ха!
АГАФЬЯ. Развѣ въ другихъ государствахъ нѣтъ Дворянства?
СУЕВѢРОВЪ. Какое ихъ Дворянство? все подлость.
АГАФЬЯ. Ха! ха! ха!
СУЕВѢРОВЪ. Чему ты смѣешься?
АГАФЬЯ. Ничему, сударь. Ха! ха! ха!
СУЕВѢРОВЪ. Да чему же ты смѣешься?
АГАФЬЯ. Чужестранцамъ.
СУЕВѢРОВЪ. Ну такъ, вотъ бы за какова Елисавета сегодни вышла мужа!
ЕЛИСАВЕТА. *Отворотившись.* (Погибла я!)
СУЕВѢРОВЪ. Ты отворачиваешься? Это знакъ, что ево любишь; но показать стыдишься. Это не худо; стыдъ въ дѣвицѣ первое достоинство. Я радуюсь, что хотя три года уже живешь въ Варшавѣ; однако жъ къ безстыдству еще не привыкла. Послушай же: господинъ Мотовъ съ достоинствами, благородной, ученой, разумной и при дворѣ очень хорошо принятъ; а больше всего, что при всемъ томъ искрененъ, основателенъ, не злобивъ и не лицемѣренъ.
АГАФЬЯ. Ха! ха! ха!
СУЕВѢРОВЪ. Чему жъ ты опять смѣешься?

АГАФЬЯ. Да чужестранцамъ, сударь, чужестранцамъ.

СУЕВѢРОВЪ. Это дѣльно. Теперь видишь дочь, что не можно тебя за нево выдать, чтобъ тѣмъ ты не потеряла Дворянства: но я имѣю другова гораздо превосходнова сему жениха, которой одаренъ всѣми достоинствами, а не имѣетъ нималаго порока. Знаешь ли ты ево?

ЕЛИСАВЕТА. Я ни ково такова, сударь, не знаю.

СУЕВѢРОВЪ. А вотъ, я тебѣ скажу, это господинъ Мотовъ, котораго я почитаю, и которой Дворянинъ достойной.

АГАФЬЯ. Ха! ха! ха!

СУЕВѢРОВЪ. Чему жъ ты смѣешься?

АГАФЬЯ. Тому, что смѣшную вещь услышала.

СУЕВѢРОВЪ. Говори же скорѣе, что за смѣшная вещь?

АГАФЬЯ. Чужестранцы.

СУЕВѢРОВЪ. Зналъ я и его отца; мы служили съ нимъ вмѣстѣ; былъ онъ великой хозяинъ. У нево изо всей той округи всегда прежде всѣхъ хлѣбъ съ поля убирали; но и сынъ будетъ таковъ же, какъ зачнетъ съ тобою хозяйствовать. Сказываютъ, что онъ къ тому великую имѣетъ склонность. Я и самъ васъ научу нѣкоторыхъ тайностей въ домоправительствѣ, которыя выписаны мною, изъ одного стариннаго Календаря. Но это послѣднее: а теперь утѣшайся, дочь моя! что Небеса низпосылаютъ тебѣ такова жениха. Примѣтила ль ты, какіе у нево усики, какой видъ, какой взоръ? я точно таковъ былъ, когда былъ молодъ: за мною женщины сами бѣгали толпами.

АГАФЬЯ

АГАФЬЯ. Да вы и теперь еще, сударь, ничево не потеряли.

СУЕВѢРОВЪ. О! я ежели захочу, то и теперь тряхну стариною. Ну дочь! теперь ужъ ты жениха имѣешь: тетка твоя хочетъ отдать тебя за Эрнеста, но я на то не могу согласиться, чтобъ ты пошла не за Дворянина. Этобъ былъ порокъ всей фамиліи Суевѣровыхъ. А по тому, хотя бъ я и хотѣлъ; но не могу сего здѣлать. Послушай: какой я вчерашной ночи сонъ видѣлъ.

АГАФЬЯ. Надобно, чтобъ стоило любопытства, станемъ слушать.

СУЕВѢРОВЪ. Мнѣ снилось, будтобъ одна моя овечка выскочила изъ овчарни, какъ скоро выбѣжала, то зачала бѣгать и играть на прекрасномъ лугу. Между тѣмъ прибѣжали къ ней два волка, одинъ доброй, а другой злой; (вить и между волками не всякой злой бываетъ!) изъ нихъ одинъ, которой былъ злой, бросился къ той овечкѣ, и ухватилъ ея за шиворотокъ. Овечка бѣдная молчитъ. Въ то время подбѣжалъ доброй волкъ, отнялъ у злова волка овечку и ударился съ ней бѣжать. Я тѣмъ временемъ проснувшись, зачалъ размышлять, что бы сей сонъ значилъ, обращалъ разумъ мой и туды и сюды; но вотъ, что заключилъ: что та овечка ты Елисавета, которая изъ дому моево, какъ изъ овчарни выбѣжавъ, гуляла по Варшавѣ. Пристали къ тебѣ два жениха, какъ тѣ волки, Эрнестъ и господинъ Мотовъ. Эрнестъ, есть злой волкъ, которой тебя уже поималъ было, по тому, что тетка твоя ему тебя уже обѣщала. Между тѣмъ

прибѣгаетъ доброй волкъ, то есть, господинъ Мотовъ, и отымаетъ тебя у Эрнеста.

АГАФЬЯ. Съ чево жъ вы, сударь, заключили, что бы этотъ сонъ, такъ толковать было должно.

СУЕВѢРОВЪ. Ты думаешь, что я не разумѣю толковать сны; я имѣю старинную тетрать, по которой всякой сонъ толковать можно, и которую я прочиталъ нѣсколько уже разъ. Храню ея и ни кому не показываю: ко мнѣ всѣ и сосѣди со снами своими прибѣгаютъ, зная, что я толковать ихъ великой знатокъ.

АГАФЬЯ. Но для чево же, сударь, Эрнестъ злымъ волкомъ быть долженъ?

СУЕВѢРОВЪ. Для тово, что онъ чужестранецъ, а господинъ Мотовъ, какъ природной Полякъ, долженъ быть волкъ доброй: видишь теперь дочь, что сами сны показываютъ, за ково тебѣ надобно выттти. Не надлежитъ о снахъ легко мыслить, не одинъ потерялъ уже приказное свое дѣло за то, что презиралъ ихъ. Поди теперь, уберися хорошенько, севодни вечеромъ съ господиномъ Мотовымъ васъ обвѣнчаемъ.

ЕЛИСАВЕТА. Моя должность, сударь, непремѣнно исполнять вашу волю; но со всѣмъ тѣмъ, хотѣла бы я просить васъ объ одной милости.

СУЕВѢРОВЪ. Говори Елисавета, я все для тебя здѣлаю.

ЕЛИСАВЕТА. О той одной только прошу васъ милости, чтобъ хоть на нѣсколько дней отложить свадьбу. Въ такомъ великомъ дѣлѣ поспѣшность не дѣлаетъ пользы.

Отомъ важнѣе размышлять должно, отъ чево зависитъ на долгое время щастіе, или нещастіе наше.

СУЕВѢРОВЪ. Этова я ни коимъ образомъ учинить не могу. Севодни непремѣнно сіе дѣло окончить должно, естли щастлива быть хочешь.

ЕЛИСАВЕТА. Для чево же, сударь, не премѣнно севодни?

СУЕВѢРОВЪ. Для тово, что нынѣшній день наилучшій для бракосочетанія. Естли не вѣришь, смотри! читай! гляди, что о севоднишнемъ днѣ Календарь пишетъ: „ Сего числа весьма хорошій день „ есть для совокупленія бракомъ, ежели „ кто хочетъ имѣть доброе супружество „ и хорошихъ дѣтей „. Видишь, другова такъ хорошева дня во всемъ Календарѣ не сыщешь. Естли ево пропустимъ, то и замужство твое нещастливо будетъ, и дѣтей негодныхъ имѣть будешь. Напрасно продолжаешь! поди и приготовся къ вѣнцу.

(*Елисавета и Агафья отходятъ.*)

СУЕВѢРОВЪ. Ты Агафья постой, я имѣю тебѣ сказать нѣчто.

Явленіе 3.

СУЕВѢРОВЪ, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Послушай Агафья: знаю, что дочь моя тебя любитъ; а по тому и должна ты знать ея тайности. Скажи мнѣ правду, я тебѣ куплю пару красныхъ башмаковъ.

АГАФЬЯ. Покорно благодарствую за милостивое обѣщаніе!

СУЕВѢРОВЪ. Любитъ ли Елисавета господина Мотова?

АГАФЬЯ. А кто бы такъ глупъ былъ, чтобъ ево любить сталъ?

СУЕВѢРОВЪ. Какъ это? да ты ево знаешь ли?

АГАФЬЯ. Лутче нежели вы, сударь.

СУЕВѢРОВЪ. *Тихо.* (Эта бестія станетъ отвращать ея сердце отъ нево!) а Эрнеста Полковника знаешь?

АГАФЬЯ. И очень хорошо.

СУЕВѢРОЕЪ. Что жъ ты о немъ разумѣешь?

АГАФЬЯ. То, что и всѣ; что онъ господинъ достойной, благородной, и которому Мотовъ и въ слуги не годится.

СУЕВѢРОВЪ. Не знаете вы ничево силы въ людяхъ.

АГАФЬЯ. Прошу извинить, сударь, мы живемъ въ Варшавѣ, такъ по тому должны больше знать и достойнствы въ людяхъ.

СУЕВѢРОВЪ. *Тихо.* (Вотъ, какъ говоритъ смѣло? но надобно изъ нее повывѣдать.) Скажи же мнѣ пожалуй прекрасная Варшавка, такихъ же ли мыслей о Эрнестѣ Елисавета, какихъ ты о немъ?

АГАФЬЯ. Думаю, что и она, будучи разумна, должна быть такихъ же мыслей.

СУЕВѢРОВЪ. *Тихо.* (Бестія!) Скажи же мнѣ голубушка, любитъ ли Елисавета Эрнеста?

АГАФЬЯ. То мнѣ не извѣсно; но то только знаю, что ей любить ево должно.

СУЕВѢРОВЪ. *Тихо.* (Она-то негодная отвращаетъ сердце дочери моей отъ Мотова!) Послушай же пожалуй: ежели ты здѣлаешь, чтобъ дочь моя полюбила Мотова, то я тебя на весь вѣкъ здѣлаю щастливою.

АГАФЬЯ. Ха! ха! ха!

СУЕВѢРОВЪ. Не смѣйся: щастье твое въ моихъ рукахъ. Знаешь ли ты конюшего господина Мотова?

АГАФЬЯ. Конюшего? а вмѣсто тово, онъ кромѣ одново конюха, не имѣетъ ни бѣшенной собаки во всемъ своемъ домѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что въ Варшавѣ держитъ людей мало; это знакъ, что онъ хорошей хозяинъ. Но знаешъ ли ты тово конюшего?

АГАФЬЯ. Какова чорта конюшего?

СУЕВѢРОВЪ. Тово, что ты конюхомъ называешь.

АГАФЬЯ. Конечно конюхъ. Я ево знаю; что жъ въ этомъ?

СУЕВѢРОВЪ. Я здѣлаю, что ты за нево выдешь за мужъ, ежели . . .

АГАФЬЯ. Я за нево выду? пусть ево черти возмутъ.

СУЕВѢРОВЪ. По чему это? развѣ ты не знаешь, что онъ Дворянинъ?

АГАФЬЯ. А чортъ ли мнѣ въ ево Дворянствѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Будешь и ты Дворянка.

АГАФЬЯ. Я не очень къ тому лакома.

СУЕВѢРОВЪ. Что за ослѣпленіе? Дворянкой быть не хочетъ.

АГАФЬЯ. Развѣ онъ будучи Дворяниномъ, лутче можетъ хвосты лошадямъ завязывать, нежели кто другой?

СУЕВѢРОВЪ. Ты мнѣ удивительна! развѣ не знаешь, что всякой Дворянинъ можетъ быть господиномъ, Сенаторомъ, и, и Ко . . .

АГАФЬЯ. И конюхомъ?

СУЕВѢРОВЪ. Что жъ бѣды, что онъ конюхъ? убожество Дворянства не порочитъ.

АГАФЬЯ. Я знаю; однако жъ, желаю лучше вытти за хорошева слугу, нежели за Дворянина, съ которымъ бы должна ходить по мїру.

СУЕВѢРОВЪ. Что жъ это значитъ? такъ по этому ты пренебрегаешь Дворянствомъ.

АГАФЬЯ. Ни мало. Я не такъ глупа; знаю какъ велико есть преимущество Дворянское; но напротивъ, будучи состоянїемъ моимъ довольна, совсемъ тово не желаю.

СУЕВѢРОВЪ. Ты очень глупа, не знаешь своево щастїя. Будешь жалѣть о томъ; но поздо.

Явленїе 4.

АГАФЬЯ *одна.*

Не черти ли ево привязали ко мнѣ съ тѣмъ Дворянствомъ! по ихъ кто не дворянинъ, тотъ хуже собаки; какъ бы уже и быть не могло честныхъ людей въ нашемъ состоянїи. Я бѣшусь, когда мнѣ съ этой засельщиной говорить случится! но вотъ мой Иванушка идетъ.

Явленїе 5.

АГАФЬЯ и ИВАНЪ.

ИВАНЪ. Господина моево нѣтъ здѣсь?

АГАФЬЯ. Нѣту. Мнѣ ево очень жаль: все дѣло наше въ верхъ дномъ поворотилось.

ИВАНЪ. Что такое?

АГАФЬЯ. Кажется ничево изъ того не выдетъ, этотъ старой дѣдъ всему здѣлалъ помѣху. Госпожа моя помолвила племянницу

ницу свою за господина Эрнеста, и обьявила то ея отцу, онъ ей отвѣчалъ на то нерѣшимо; однакожъ госпожа моя понимала, что онъ на то согласуется; но Суевѣровъ между тѣмъ, будучи, какъ обворожено Мотовымъ, помолвилъ за нево дочь свою, отъ госпожи моей тайно. Теперь же, какъ пришолъ день свадьбы, то онъ съ своимъ Мотовымъ и подъѣхалъ.

ИВАНЪ. Для чево жъ онъ давно не обьявилъ о томъ?

АГАФЬЯ. Знать Мотовъ уговорилъ ево, что бъ ему не помѣшали.

ИВАНЪ. По этому онъ Мотова лучше щитаетъ, нежели моево господина?

АГАФЬЯ. Онъ господина твоего хвалитъ, только тѣмъ порочитъ, что онъ чужестранецъ.

ИВАНЪ. Какой же въ томъ порокъ, что онъ чужестранецъ?

АГАФЬЯ. Вотъ еще! у нево это гаже всево; онъ говоритъ, что всѣ чужестранные Князья и Дворяне подлость.

ИВАНЪ. Ха! ха! ха! а вы не одново ль съ нимъ мнѣнія о чужестранцахъ?

АГАФЬЯ. Прошу иначе думать, я въ томъ разборъ знаю: не въ деревнѣ воспитана.

ИВАНЪ. Такъ вамъ не дѣлаетъ отвращеніе, что я чужестранецъ?

АГАФЬЯ. Ни мало. Но когда господинъ Эрнестъ не будетъ имѣть Елисаветы, то такъ же и наше предпріятіе рушится.

ИВАНЪ. Я и самъ боюсь тово, намъ надобно взять предосторожность.

АГАФЬЯ. Но для чево господинъ твой о томъ не старается?

ИВАНЪ.

ИВАНЪ. Мой господинъ, будучи обнадеженъ отъ госпожи Знатаковой, ничево о перемѣнѣ сей не знаетъ.

АГАФЬЯ. Не должно на то полагатся, отецъ больше имѣетъ права надъ дочерью, нежели тетка надъ племянницею.

ИВАНЪ. Пойду ево искать, adieu Madame Agatha, mon Coeur.

АГАФЬЯ. Adieu Monſieur JOHAN.

Явленїе 6.

АГАФЬЯ, ХУДЯКОВЪ.

АГАФЬЯ. Очень бы дурно было, естьли бъ Елисавета не вышла за Эрнеста, и я бы должна была простится съ моимъ Иванушкомъ. Но вотъ, Худяковъ идетъ съ своимъ несноснымъ видомъ! предпрїятїя много, а хлѣба нѣтъ ни мало.

ХУДЯКОВЪ. Я имѣю щастье засвидѣтельствовать вамъ мое почтенїе.

АГАФЬЯ. Покорно благодарствую.

ХУДЯКОВЪ. Приближается уже тотъ моментъ, въ которой милостивая судьба насытитъ мое желанїе.

АГАФЬЯ. Видно, что вы до сихъ поръ голодны были.

ХУДЯКОВЪ. Конечно потому, что желанїе мое стремится къ вашему сердцу.

АГАФЬЯ. Этотъ кусокъ для васъ жиренъ.

ХУДЯКОВЪ. Что имѣя сей случай, могу севодни вамъ понравится, въ томъ я не теряю надежды.

АГАФЬЯ. Потому, что вамъ и съ господиномъ больше терять ужъ нѣчево.

ХУДЯКОВЪ. Господинъ мой, былъ господинъ и будетъ. Я конечно ево слуга; но Дворянинъ ему равной.

АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. Конечно ровной: вы тужe лошадь чистите, на которой онъ ѣздитъ.

ХУДЯКОВЪ. Что я теперь въ такомъ состоянiи, то ни какова вреда не дѣлаетъ моей чести. Я имѣю способъ въ скоромъ времени аванзировать въ знатные чины, и умножить мои доходы.

АГАФЬЯ. Вы очень высоко говорите, мой не Дворянской разумъ, столько понять не можетъ.

ХУДЯКОВЪ. Я дамъ ему жалованную грамату, естьли вы сердце ваше ко мнѣ направите.

АГАФЬЯ. Я около лошадей не хожу, и править не умѣю; а о Дворянствѣ совсѣмъ не думаю и искать тово не стараюсь.

ХУДЯКОВЪ. Это легко быть можетъ, естьли вы соедините ваше съ моимъ сердце, которое я выше всѣхъ Дворянскихъ гербовъ почитаю. Особливо же и господинъ мой, какъ великой вашъ почитатель, того желаетъ, и предлагаетъ вамъ ежегодно на содержанiе пятьдесятъ червонныхъ, естьли вы будете къ нему съ лутчимъ респектомъ.

АГАФЬЯ. Это очень много для меня, отъ вашева господина!

ХУДЯКОВЪ. Больше еще онъ для васъ здѣлаетъ, естьли вы склоните къ нему госпожу Елисавету.

АГАФЬЯ. Она имѣетъ свой разумъ: и въ семъ случаѣ не слѣдуетъ ни чьему совѣту, кромѣ своево сердца.

ХУДЯКОВЪ. Я довольно знаю, что вашъ совѣтъ много здѣлать можетъ: за этой свадьбой и наша съ вами могла бы послѣдовать.

Б АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. Что до меня принадлежитъ, то я не хочу о томъ и думать.

ХУДЯКОВЪ. Для чево же я столь немилостивой отвѣтъ получаю? по крайней мѣрѣ, хотя дайте мнѣ знать тому причину?

АГАФЬЯ. Во перьвыхъ та причина, что вы Дворянинъ, а я не Дворянка; второе, что я не разумѣю того языка, которымъ вы говорите: а на содержаніе Переводчика, не имѣю достатка.

ХУДЯКОВЪ. Я теперь говорю языкомъ учтивымъ, какимъ Кавалеръ, ища милости въ дамѣ, говорить долженъ. Привыкъ къ сему, часто бывая на знатныхъ обѣдахъ и балахъ; но я и просто говорить могу. А да вотъ и господинъ мой идетъ!

Явленіе 7.

МОТОВЪ, АГАФЬЯ и ХУДЯКОВЪ.

МОТОВЪ. Какъ ты находишься любезная Агафья?

АГАФЬЯ, Здорова сударь, къ вашимъ услугамъ.

МОТОВЪ. А госпожа у себя?

АГАФЬЯ. У себя: я донесу...

МОТОВЪ. Погоди пожалуй: Я слышалъ, что госпожа твоя противится предпріятію господина Суевѣрова?

АГАФЬЯ. Я не вхожу въ такія бездѣлицы.

МОТОВЪ. Знаю, мой другъ! что ты много у ней значишь. Естьли ты мнѣ поможешь въ моихъ предпріятіяхъ, то я увѣряю, что здѣлаю тебя счастливою.

АГАФЬЯ. Униженно васъ благодарю, сударь.

МОТОВЪ. Я хочу, что бы севодни двѣ были свадьбы, и моя и твоя вмѣстѣ. Пред-

лагаю въ женихи тебѣ моего Худякова, котораго я здѣлалъ уже Конюшимъ; онъ природной Дворянинъ: слѣдовательно и ты будешь Дворянка и госпожа Конюшая. Назначилъ для тебя доходу каждой годъ по пятидесятъ червонныхъ; Худяковъ объ этомъ знаетъ.

ХУДЯКОВЪ. Это совершенная правда.

МОТОВЪ Дамъ еще вамъ одну деревеньку, такъ и будете господами.

АГАФЬЯ. Эта очень высока ступень для ногъ моихъ.

МОТОВЪ. Я увѣряю, что конечно сдержу мое слово; только уговори госпожу свою, что бъ она севодни передъ свадьбою, укрѣпила свое имѣніе племянницѣ своей Елисаветѣ: вить у ней нѣтъ другой наслѣдницы.

АГАФЬЯ. Это дѣло превосходитъ мой разумъ, естьли же вы, сударь, сами съ ней говорить о томъ хотите, то я донесу ей, что вы здѣсь ея дожидаться изволите.

(*Отходитъ.*)

Явленіе 8.

МОТОВЪ и ХУДЯКОВЪ.

МОТОВЪ. А ты братъ стоишь, какъ столбъ, слова ей не промолвишь. Вить я тебѣ говорилъ, что бъ ты за ней волочился и поималъ ея сердце.

ХУДЯКОВЪ. Было чево послушать, какъ я къ ней подъѣзжалъ съ учтивостьми; но все то напрасно. Когда человѣку ѣсть хочется, то можетъ ли быть въ чемъ удача.

МОТОВЪ. Ты всегда грызешь мое сердце своимъ голодомъ?

ХУДЯКОВЪ. Потому, что мнѣ всегда ѣсть хочется. Въ эти три дни больше не съѣлъ я, какъ одинъ калачь, такъ пойдетъ ли тутъ на умъ волокита.

МОТОВЪ. Что же братъ дѣлать? ты знаешь, что я не жалѣлъ давать, когда у меня было.

ХУДЯКОВЪ. Правда: я бы желалъ, что бъ тогда меньше давали, то и на нынѣшнее время нѣсколько бъ еще осталось.

МОТОВЪ. Не долго уже намъ терпѣть бѣдность, севодни тому конецъ будетъ. Ты знаешь, что за Елисаветою доброе приданое.

ХУДЯКОВЪ. Но я боюсь, что бы Ансельмъ себѣ ево не забралъ. Этотъ старой чортъ покою не даетъ мнѣ, о долгахъ вашихъ.

МОТОВЪ. Пусть извинитъ меня; онъ подождать можетъ.

Явленіе 9.

МОТОВЪ, ЗНАТОКОВА И АГАФЬЯ.

МОТОВЪ. Прошу извинить, сударыня, что вчера въ вечеру не могъ я засвидѣтельствовать вамъ моево почтенія. Я удержанъ былъ у Двора, и принужденъ былъ остаться для нѣкотораго важнаго совѣта, при чемъ не обходимо быть мнѣ было должно; но надѣюсь однако, что служа общей пользѣ, не могу тѣмъ терять моей собственной, которая зависитъ отъ согласія и милости вашей.

ЗНАТОКОВА. Въ чемъ же я могу служить вамъ?

МОТОВЪ. Вамъ желаніе мое, сударыня, извѣстно. Господинъ Суевѣровъ принялъ намѣреніе здѣлать меня щастливымъ, при-

нимая меня въ достойное свое семейство; но щастіе сіе не можетъ быть для меня совершеннымъ, естьли не будетъ присоединено съ тѣмъ и ваше милостивое согласіе.

ЗНАТОКОВА. Правда: я желала другой партіи моей племянницѣ, и имѣла къ тому неоспоримыя причины; но отецъ имѣетъ больше моего надъ нею права. Однако со всѣмъ тѣмъ, естьли вы позволите сказать мнѣ откровенно . . .

МОТОВЪ. Съ превеликою охотою! Я какъ самъ основателенъ, то никогда, и никакая справедливость огорчить меня не можетъ. Я не изъ числа тѣхъ придворныхъ людей, которыхъ языкъ не соотвѣтствуетъ ихъ сердцу.

ЗНАТОКОВА. Теперь скажу вамъ откровенно, что Елисавета совсѣмъ другихъ мыслей, нежели отецъ ея. Естьли вы искренно ей преданы, то по крайней мѣрѣ здѣлайте для нея, что бъ эта свадьба отложена была, хотя на одну недѣлю.

МОТОВЪ. То, только и есть одно, на что, я никакъ не могу согласиться: жизни моей для нея не пожалѣю! Но тутъ дѣло идетъ о чести, что у насъ придворныхъ людей всево дороже почитается, и какъ всѣмъ уже извѣстно, что я въ сей день долженъ совершить мое благополучіе, то здѣлался бъ у всѣхъ посмѣшищемъ, когда бы, севодни то окончано не было.

ЗНАТОКОВА. Что на нѣсколько дней будетъ отсрочено, то кажется, не можетъ ни чемъ повредить честь вашу. А между тѣмъ, Елисавета примѣчая больше, день отъ дня ваши отмѣнныя достойнства, можетъ

приступить къ тому съ собственнымъ своимъ желаніемъ, къ чему нынѣ принуждается неволею.

МОТОВЪ. Я увѣренъ, что сердце ея, услугами моими, скоро къ себѣ склонить могу; но на отсрочку свадьбы, честь моя, никакъ согласиться мнѣ не дозволитъ.

ЗНАТОКОВА. Дѣлайте жъ теперь, что вамъ угодно, это и безъ меня обойтится можетъ. То только меня оскорбляетъ, что принуждена малое мое наслѣдство укрѣпить кому другому, которое уже назначено было отъ меня Елисаветѣ.

МОТОВЪ. За что жъ она такъ будетъ несчастлива . . .

ЗНАТОКОВА. За что же и мнѣ такъ быть несчастной, что вы перьвую прозьбу мою отвергаете, и не хотите на нѣсколько дней только отложить свадьбу.

МОТОВЪ. Но честь моя. . .

ЗНАТОКОВА. Извѣстно мнѣ довольно, и честь ваша и все; прошу извинить меня, что я долѣе не могу быть съ вами!

МОТОВЪ. Покорный слуга, сударыня! (это меня терзаетъ; но я заживо еще изъ дому ея выгоню.)

Явленіе 10.

ЗНАТОКОВА и АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. Изволили ль примѣтить, сударыня, съ какимъ лицомъ онъ вышелъ?

ЗНАТОКОВА. Какой это человѣкъ безстыдной! онъ смѣетъ мнѣ расказывать, что онъ при Дворѣ принимается за важнаго; какъ будто бы я не знала, что по его

худому поведенію, ево и во Дворецъ пускать не велѣно.

АГАФЬЯ. Господинъ Суевѣровъ, всему тому, что онъ ни говоритъ, вѣритъ, и никто отвратить ево отъ тово не можетъ. А сверьхъ тово считаетъ ево за весьма богатаго и за хорошаго хозяина; а онъ, вмѣсто тово, по шею въ долгахъ: ничево не имѣетъ, и послѣднюю деревнишку продалъ. Но я имѣю надежду, что все то севодни наружу выведу.

ЗНАТОКОВА. Ну Агафья! естьли ты это здѣлаешь, то ты знаешь, какъ я бываю благодарна за услуги. Послушай же: сюда придетъ Эрнестъ, ты проводи ево ко мнѣ въ покой.

Явленіе 11.

АГАФЬЯ *одна.*

Севодни сюда пріѣдетъ въ городъ одинъ купецъ Ансельмъ, которому Мотовъ больше всѣхъ долженъ. Надобно мнѣ побывать у нево, чтобъ онъ шелъ къ Суевѣрову, и приказнымъ порядкомъ захватилъ приданое. Эта пріятная будетъ новость, для упрямаго и скупаго старика. А да вотъ и господинъ Эрнестъ!

Явленіе 12.

ЭРНЕСТЪ и АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. Госпожа моя васъ, сударь, ожидаетъ.

ЭРНЕСТЪ. Но что здѣсь дѣлается любезная Агафья? До меня не очень хорошія доходятъ вѣсти.

АГАФЬЯ. Насъ всѣхъ то оскорбляетъ.

ЭРНЕСТЪ. Какъ я несчастливъ! не можно ли чемъ помочь сему?

АГАФЬЯ. Я о томъ же самомъ думаю, и имѣю надежду, что всѣ этова старика намѣренія, могу разрушить.

ЭРНЕСТЪ. Зделай милость любезная Агафья! Ты сожалѣть о томъ не будешь; а между тѣмъ возми пожалуй эту безделицу.

АГАФЬЯ. Что это? кошелекъ съ деньгами! прошу извинить меня, я не такова сложенія, чтобъ прельщаться на деньги, я и безъ тово...

ЭРНЕСТЪ. Однако возми пожалуй.

АГАФЬЯ. Не погнѣвайтесь, я люблю честь мою.

ЭРНЕСТЪ. Сіе нимало не повредитъ вашей чести.

АГАФЬЯ, Хотя бы... Но я сего не зделаю.

ЭРНЕСТЪ. Пожалуй не отговаривайся, зделай мнѣ послушаніе.

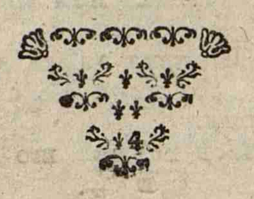
АГАФЬЯ. Я это дѣлаю для тово, что бъ не зделаться недостойною милостей вашихъ, и что честь мою предпочитаю гораздо дороже денегъ.

ЭРНЕСТЪ. Я этому конечно вѣрю.

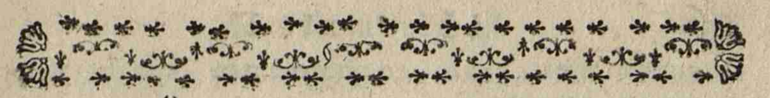
АГАФЬЯ. Я иначе и не ожидала; но госпожа моя ждетъ васъ.

ЭРНЕСТЪ. Я иду къ ней.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

ЭРНЕСТЪ и ИВАНЪ.

ЭРНЕСТЪ. Что тебѣ сказала Агафья?

ИВАНЪ. Она преподаетъ нѣкоторую надежду; но на сіе положиться совсѣмъ не можно.

ЭРНЕСТЪ. Я бы хотѣлъ самъ поговорить съ нею и узнать, на чемъ она надежду свою основываетъ?

ИВАНЪ. Ее теперь нѣтъ здѣсь; пошла къ какому-то купцу.

ЭРНЕСТЪ. Можетъ ли быть въ свѣтѣ кто огорченъ, моево больше! я думалъ, что день сей, такъ долго ожидаемой, будетъ мнѣ наисчастливѣйшій въ моей жизни; но вмѣсто тово, я ожидаю во оный смертельнаго себѣ удара. Я безъ Елисаветы не могу жить въ свѣтѣ! а больше всего меня оскорбляетъ, что она достанется Мотову, котораго она терпѣть не можетъ.

ИВАНЪ. Я и самъ бѣшусь, что этотъ негодной...

ЭРНЕСТЪ. Тише! не говори мнѣ тово, ничьей чести повреждать не должно.

ИВАНЪ. Да этотъ человѣкъ совсѣмъ негодной.

ЭРНЕСТЪ. До насъ то не принадлежитъ; намъ должно стараться, что бъ мы хороши были.

ИВАНЪ. Онъ такіе обманы вамъ дѣлаетъ.

ЭРНЕСТЪ. Правило честнаго человѣка, чтобъ покрывать пороки и своего непріятеля. Тотъ подлой духъ имѣетъ, кто хочетъ

 возвы-

возвысить свои достоинства чрезъ униженіе другова.

ИВАНЪ. Какъ можно такова человѣка не злословить?

ЭРНЕСТЪ. Кто имѣетъ великодушное сердце, тотъ ни себя хвалить, ни другова хулить не долженъ.

ИВАНЪ. Но естьлибъ о комъ было не извѣстно, а о хорошихъ поступкахъ господина Мотова всѣ уже знаютъ.

ЭРНЕСТЪ. Хотя бъ и всѣ знали; намъ какая нужда говорить о томъ?

ИВАНЪ. Да господинъ Суевѣровъ о томъ не знаетъ.

ЭРНЕСТЪ. Я тебя увѣряю, что отъ меня ничево свѣдать не можетъ. А! да вотъ и госпожа Елисавета.

Явленіе 2.

ЭРНЕСТЪ, ЕЛИСАВЕТА и ИВАНЪ.

ЭРНЕСТЪ. Хотя отъ многихъ слышу я, смертельно поражающія меня вѣсти; но желалъ бы отъ самихъ васъ слышать, правда ли, что отецъ вашъ противиться моему счастію?

ЕЛИСАВЕТА. Желала бъ я, что бъ то была неправда.

ЭРНЕСТЪ. Чемъ же я то заслужить могъ? я старался, сколько можно, сыскать ево къ себѣ благосклонность.

ЕЛИСАВЕТА. Отецъ мой васъ уважаетъ, и почитаетъ ваши достоинства.

ЭРНЕСТЪ. Для чево же препятствуетъ моему счастію, которое дороже мнѣ моей жизни?

ЕЛИСА-

ЕЛИСАВЕТА. То одно въ васъ ему не нравно, что вы чужестранецъ.

ЭРНЕСТЪ. Какая жъ моя вина въ томъ? правда, я не родился въ Польшѣ; но знатную часть моего вѣка препроводилъ, служа вашему отечеству, и могу сказать безъ ошибки, что я довольно подалъ опытовъ, привязанностію сердца моего, къ сему знатному народу: что я больше Полякъ, нежели многіе другіе, которые имѣли счастіе родиться въ Польшѣ.

ЕЛИСАВЕТА. Я довольно то знаю: но что жъ дѣлать, когда отецъ мой считаетъ то, за непростительной грѣхъ, чтобъ быть чужестранцомъ.

ЭРНЕСТЪ. Не можно ль, сыскать какой способъ, чтобъ перемѣнить о семъ ево мысли.

ЕЛИСАВЕТА. Я больше сего желаю, нежели надѣюсь.

ЭРНЕСТЪ. И по тому я долженъ уступить другому, первѣйшую утѣху моего сердца?

ЕЛИСАВЕТА. Ахъ! не вспоминайте мнѣ о томъ. Можетъ ли въ свѣтѣ быть несчастнѣе состояніе тѣхъ дочерей, которыхъ отцы не съ ихъ, но съ своимъ сердцемъ совѣтуютъ, за ково выдать ихъ за мужъ?

ЭРНЕСТЪ. Ахъ любезная! Не сыщется ль еще какой надежды?

ЕЛИСАВЕТА. Я никакой не вижу.

ЭРНЕСТЪ. Агафья нѣчто еще обѣщаетъ.

ЕЛИСАВЕТА. На то со всѣмъ полагаться не можно; старанія ея будутъ тщетны.

ЭРНЕСТЪ. По крайней мѣрѣ, хотя бы на нѣсколько дней отложена была свадьба.

ЕЛИСАВЕТА. Тово и больше еще я не ожидаю. О несчастный Календарь!

ЭРНЕ-

ЭРНЕСТЪ. Что за Календарь?

ЕЛИСАВЕТА. Я стыжусь и говорить о нѣмъ.

ЭРНЕСТЪ. Мнѣ сїе не понятно?

ЕЛИСАВЕТА. Отецъ изъ Календаря доказываетъ, что севоднишній день наилучшій есть для бракосочетанія; и естьли севодни не выду за мужъ, то я буду несчастлива. Да вотъ и онъ идетъ. Просите ево, склоняйте . . . Но я на передъ знаю, что ни чево быть не можетъ. Прощайте!

Явленїе 3.

ЭРНЕСТЪ, и СУЕВѢРОВЪ.

СУЕВѢРОВЪ. Здраствуй господинъ Полковникъ!

ЭРНЕСТЪ. Покорнѣйшій слуга вашъ!

СУЕВѢРОВЪ. Какъ вы находитесь?

ЭРНЕСТЪ. Очень дурно.

СУЕВѢРОВЪ. Что вамъ здѣлалось, скажите мнѣ, я въ болѣзняхъ очень знающъ, и не одново уже въ сосѣдствѣ моемъ вылѣчилъ.

ЭРНЕСТЪ. Мою болѣзнь подлинно никто лучше васъ излѣчить не можетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Я готовъ тѣмъ служить вамъ. Вотъ на прошедшей недѣли, занемогъ было мой подданной бочаръ, такъ тяжко, что и славной нашъ цирюльникъ, жидъ Мосѣйко, не зналъ, что съ нимъ дѣлать; а я чрезъ нѣсколько дней со всѣмъ ево вылѣчилъ. Скажите мнѣ только, чемъ вы больны? голова, или желудокъ?

ЭРНЕСТЪ. Та одна скорбь меня мучитъ, что на мои желанія, не могу получить вашего согласія.

СУЕВѢРОВЪ. Скажите, чево?

ЭРНЕ-

ЭРНЕСТЪ. Я прошу достойной дочери вашей.

СУЕВѢРОВЪ. Что до этова принадлежитъ, то прошу не прогнѣваться, я тѣмъ не могу служить вамъ; она уже помолвлена за господина Мотова, моево милостиваго благодѣтеля.

ЭРНЕСТЪ. Я, въ разсужденіи милости вашей, надѣялся . . .

СУЕВѢРОВЪ. Прошу за то на меня не огорчиться, господинъ Полковникъ! я люблю и почитаю въ васъ великія достоинства ваши. Знаю, что вы у всѣхъ въ великомъ почтеніи находитесь, что денежки у васъ водятся; и имѣете хорошій достатокъ; но со всѣмъ тѣмъ, Небеса такъ опредѣлили; что не могу за васъ выдать моей дочери; развѣ бы хотѣлъ ввесть ея и васъ, въ очевидную погибель.

ЭРНЕСТЪ. По чему жъ, сударь, это?

СУЕВѢРОВЪ. По тому, что я видѣлъ какъ на длани написано: что супружество ваше съ дочерью моею было бы несчастливо, и потомство ваше негодное.

ЭРНЕСТЪ. Какъ можно узнавать такъ скрытыя отъ насъ вещи, которыя Небеса своему Провидѣнію только предоставили.

СУЕВѢРОВЪ. Такъ вотъ можно; я не одинъ разъ уже совершенно отгадывалъ такъ, что всегда то сбывалось.

ЭРНЕСТЪ. Можетъ быть; но теперешнее ваше пророчество; на чемъ вы основывать изволите?

СУЕВѢРОВЪ. Есть великое основаніе. Я бы сказалъ вамъ; но боюся, чтобъ тѣмъ не оскорбить васъ.

ЭРНЕСТЪ. Вы ничемъ оскорбить меня не можете.

СУЕВѢРОВЪ. Я видѣлъ такой сонъ, изъ котораго, вы сами ясно познать можете, что дочь моя для васъ не назначена.

ЭРНЕСТЪ. Развѣ вы можете въ такомъ дѣлѣ снамъ вѣрить, которые не что иное, какъ одно привидѣніе, и такъ, какъ мракъ проходятъ.

СУЕВѢРОВЪ. О! нѣтъ, государь мой! тотъ сонъ, которой я видѣлъ, не мракъ. Я знаю въ нихъ силу. У меня есть предивная тетратка, по которой всякой сонъ толковать можно; но я ее содержу въ тайнѣ. Послушайте только, а то сами признаетесь, что такой сонъ, не обходимо уважать должно. Мнѣ не давно снилось, что будто къ моей овечкѣ подкрадывались два волка.

ЭРНЕСТЪ. Мнѣ уже сонъ сей извѣстенъ.

СУЕВѢРОВЪ. Вы уже слышали? ну такъ видѣте сами, что мнѣ не отступя отъ совѣсти, не можно овечку мою отдать злому волку.

ЭРНЕСТЪ. Такъ по этому я почитатся долженъ злымъ волкомъ? по чему же, не другой кто?

СУЕВѢРОВЪ. А вотъ я вамъ скажу безъ оскорбленія: пристойнѣе вамъ быть злымъ волкомъ, нежели господину Мотову.

ЭРНЕСТЪ. По какой же, сударь, это причинѣ?

СУЕВѢРОВЪ. По той притчинѣ, что вы человѣкъ военной: а военныя люди злы, какъ волки, ловятъ чужихъ овечекъ и барановъ. Я самъ, когда былъ молодъ, и

служилъ

служилъ товарищемъ господина Сайкина, моево милостиваго государя, то овцы и бараны были въ великомъ страхѣ.

ЭРНЕСТЪ. *Усмѣхнувшись.* Но я, государь мой, не имѣю счастья быть товарищемъ: я служу въ войскѣ регулярномъ.

СУЕВѢРОВЪ. Тѣмъ хуже, что въ семъ войскѣ регулярномъ? Счастлива была Польша, когда ево не знала.

ЭРНЕСТЪ. Я въ то не вхожу . . .

СУЕВѢРОВЪ. Весь свѣтъ дрожалъ отъ Польской сабли, когда одни Поляки безъ чужестранцовъ воевали.

ЭРНЕСТЪ. Я не хочу о томъ спорить; но иное . . .

СУЕВѢРОВЪ. Чужестранцы, государь мой! чужестранцы всякаго нещастія нашего причиною.

ЭРНЕСТЪ. Но государь мой! . . .

СУЕВѢРОВЪ. Я говорю не о васъ, вы пожалуйте не гнѣвайтесь; но то правда, что чужестранцы намъ много злова надѣлали.

ЭРНЕСТЪ. Я не хочу . . .

СУЕВѢРОВЪ. Чужестранцы и добродѣтель древнюю Польскую выгнали изъ нашего отечества.

ЭРНЕСТЪ. Я о иномъ. . .

СУЕВѢРОВЪ. Чужестранцы и снамъ уже не хотятъ вѣрить.

ЭРНЕСТЪ. Я уже не буду больше прерывать вамъ.

СУЕВѢРОВЪ Они скоро искоренятъ и вѣру нашу.

ЭРНЕСТЪ. Но я, государь мой, самъ Католикъ.

СУЕВѢРОВЪ. Вы Католикъ?

ЭРНЕ-

ЭРНЕСТЪ. Развѣ вы о томъ не знали?

СУЕВѢРОВЪ. Вы Католикъ! Нѣмецъ, а Католикъ?

ЭРНЕСТЪ. Развѣ думаете, что въ Нѣмецкой землѣ нѣтъ Католиковъ?

СУЕВѢРОВЪ. Ха! ха! ха! Нѣмецъ, а Католикъ!

ЭРНЕСТЪ. Напротивъ, тамъ нѣсколько цѣлыхъ провинцій есть Католицкихъ.

СУЕВѢРОВЪ. И Нѣмецъ и Католикъ? ха! ха! ха!

ЭРНЕСТЪ. Я удивляюсь, что вы такихъ мыслей!...

СУЕВѢРОВЪ, Но прошу не говорить мнѣ о томъ больше; я не младенецъ, и довольно знающъ въ вѣрѣ; иная вѣра Католицкая, а иная Нѣмецкая.

ЭРНЕСТЪ. Однако же;...

СУЕВѢРОВЪ. Я не хочу больше говорить о томъ. Вы хотите спорить со мною о вѣрѣ, а я теперь не имѣю времени,

ЭРНЕСТЪ. По крайней мѣрѣ, я только...

СУЕВѢРОВЪ. Но я времени не имѣю, прошу извинить меня, я имѣю нужду теперь о другомъ мыслить... Простите, сударь.

ЭРНЕСТЪ. Пусть же по крайней мѣрѣ...

СУЕВѢРОВЪ. Какъ вы упрямы! я уже сказалъ, что не имѣю времени, прощайте, слуга вашъ покорный!... (*Выпроваживая Эрнеста.*) Униженно кланяюсь, нижайшій слуга вашъ!

Явленіе 4.

СУЕВѢРОВЪ *Одинъ.*

Пошолъ! насилу я этова Нѣмца съ рукъ сжилъ. Не хочу, что бы онъ когда нибудь и былъ здѣсь. Сбиваетъ только дочь мою,

и

и мѣшаетъ господину Мотову; а она глупенькая, какъ думаю, въ нево и влюбилась. Эти Нѣмцы дьявольской имѣютъ способъ обманывать нашихъ женщинъ; но мнѣ должно думать уже о свадьбѣ, еще нѣкоторую церемонію . . . А! да вотъ къ стати и сестра моя сюда идетъ.

Явленіе 5.

СУЕВѢРОВЪ, ЗНАТОКОВА.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошо, что вы теперь пришли сюда, должно намъ еще посовѣтовать о нѣкоторыхъ вещахъ принадлежащихъ къ свадьбѣ. Я уже имѣю одного, кто будетъ благодарить за вѣнецъ; но должно бъ быть другому Оратору, которой бы за конфектами говорилъ рѣчь. Что касается до танцовъ, то я все распорядилъ уже; пріятный танецъ, или такъ называемой Маршаловъ, я буду танцовать самъ: я еще порядочно протанцую, даромъ, что уже старъ; потомъ будемъ танцовать Драбанта.

ЗНАТОКОВА. *Тихо.* (Я бѣшусь слушая, этова дѣда.)

СУЕВѢРОВЪ. Что принадлежитъ до Драбанта, не знаю не ошибусь ли. Но нѣтъ . . . Все хорошо будетъ. *Наигрываетъ языкомъ тотъ танецъ и прыгаетъ.*

ЗНАТОКОВА. *Тихо.* (Не выдержу, скажу ему безъ обиняковъ.)

СУЕВѢРОВЪ. Ничево: удастся и Драбантъ; но меня больше беспокоитъ Ораторъ, кому бъ говорить рѣчь при конфектахъ.

ЗНАТОКОВА. Что вы, сударь, занимаетесь этимъ? можно обойтиться и безъ сихъ бездѣлицъ.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ, это бездѣлицы? а какая же бы безъ того была свадьба; дѣды и прадѣды наши сего не оставляли, и Польша была счастлива.

ЗНАТОКОВА. Но теперь нѣтъ того уже въ обычаѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Тѣмъ хуже. Не должны ль мы защищать обычай нашихъ предковъ?

ЗНАТОКОВА. Былъ обычай предковъ нашихъ не брить бороды; но вы не слѣдуете нынѣ тому примѣру.

СУЕВѢРОВЪ. Иное дѣло борода, а иное Ораторъ при конфектахъ и Драбантъ.

ЗНАТОКОВА. Я сколько разъ бывала здѣсь на свадьбахъ, а нигдѣ такой церемоніи не видала.

СУЕВѢРОВЪ. Таково то жъ теперь и супружество, Боже помилуй! мужъ себѣ, а жена себѣ. Иначе я жилъ съ своей покойницой, (вѣчное ей блаженство!) не позволялъ я ей ни съ однимъ говорить мущиною, развѣ при мнѣ, и то очень мало.

ЗНАТОКОВА. Для тово-то она и умерла такъ скоро.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошо здѣлала: я за то благодарю ей: пусть покоится въ вѣчномъ блаженствѣ.

ЗНАТОКОВА. Этотъ разговоръ тротаетъ мое сердце, и для тово коротко скажу вамъ; дѣлайте, что хотите; а я васъ увѣряю, что не только на свадьбѣ той не буду, но и слышать не хочу о ней.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ это? хорошо бы это было! свадьба въ вашемъ домѣ; а вы . . .

ЗНАТОКОВА. Я выѣду отсюда, пусть глаза мои того не видятъ.

СУЕВѢ-

СУЕВѢРОВЪ. Да что тому за причина?

ЗНАТОКОВА. Не хочу быть участницой несчастія, въ которое Елисавету вы ввергаете.

СУЕВѢРОВЪ. Ха! ха! ха! несчастье для дочери, что я ея выдаю за мужъ. Ха! ха! ха.

ЗНАТОКОВА. Изрядно выдаете! за такова человѣка, котораго она не только не любитъ, но и терпѣть не можетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Елисавета моя дочь; вы приказали ей, что бъ она любила Эрнеста, она васъ слушала. Я теперь приказываю ей любить господина Мотова, такъ пусть она ево любитъ; вить я отецъ ей.

ЗНАТОКОВА. Сердце неподданный; не можетъ повиноваться ни чьимъ приказамъ.

СУЕВѢРОВЪ. Я знаю, что она ево любить будетъ, когда за нево выдетъ.

ЗНАТОКОВА. Такое разсужденіе родителей, не одну дочь уже погубило.

СУЕВѢРОВЪ. Конечно любить ево будетъ; господинъ Мотовъ человѣкъ достойной.

ЗНАТОКОВА. Плутъ, которой обольстилъ васъ.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда; я знаю силу въ людяхъ.

ЗНАТОКОВА. Всѣ знаютъ, что онъ человѣкъ негодной.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Въ глаза говоритъ то, а за очно другое.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Что ступитъ, то солжетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Что ни имѣлъ, то все промоталъ уже.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Совѣсти подозрительной.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Для того и ко Двору пускать ево не велѣно.

СУЕВѢРОВЪ, Не правда, не правда.

ЗНАТОКОВА. Вы спросите у другихъ.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Вы имѣете хорошій разумъ, можете . . .

СУЕВѢРОВЪ. Не правда, не правда, не правда, я лучше обо всемъ знаю. И дочь моя, и я, и вы будемъ счастливы. Вить я уже вамъ сказывалъ, какой я сонъ видѣлъ.

ЗНАТОКОВА. Да что мнѣ во снѣ томъ нужды?

СУЕВѢРОВЪ. Но скажите жъ вы мнѣ, кто изъ нихъ злой волкъ? развѣ не приличнѣе быть чужестранцу, нежели природному Дворянину Польскому.

ЗНАТОКОВА. Спрашивайте о семъ у старухъ въ богадѣльнѣ, они сны толковать любятъ.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошо! такъ уже и вы такимъ очевиднымъ снамъ не вѣрите! Вотъ польза отъ обхожденія съ чужестранцами! какъ Варшава людей и наилучшихъ перемѣняетъ!

ЗНАТОКОВА. Я признаюсь вамъ, что мнѣ стыдно о томъ слушать. Прощайте, дѣлайте, что вамъ угодно; я выѣду.

СУЕВѢРОВЪ. *Удерживая.* Но погодите, сударыня, какое это будетъ огорченіе, когда вы не будете на свадьбѣ въ своемъ домѣ, и у своей племянницы, которую вы сами воспитали.

ЗНАТОКОВА. Я сказала, что не буду: не хочу смотрѣть на несчастіе моей фамиліи, прощайте.

СУЕВѢРОВЪ. Тотчасъ: поговоримъ мы лутче между собою безъ крику: подумайте, сударыня, какая бы была то честь фамиліи Суевѣровыхъ, когда бы я въ угодность вамъ, выдалъ дочь мою за чужестранца?

ЗНАТОКОВА. Ну такъ что жъ: это бы намъ честь здѣлало, когда бы мы имѣли въ свойствѣ такова человѣка, котораго достоинства привлекли къ нему общественную любовь, какъ при Дворѣ, такъ и у всѣхъ людей знатныхъ.

СУЕВѢРОВЪ. Я признаю ево достоинствы; но можетъ ли то ему помочь, когда онъ чужестранецъ?

ЗНАТОКОВА. Что жъ въ томъ есть порочнаго?

СУЕВѢРОВЪ. Вамъ хочется, что бъ дочь моя потеряла Дворянство?

ЗНАТОКОВА. По чему жъ бы она ево потеряла?

СУЕВѢРОВЪ. По тому, что была бы уже не Дворянка, когда бы вышла не за Дворянина.

ЗНАТОКОВА. Какъ не за Дворянина? развѣ я не знаю, что господинъ Эрнестъ отъ благороднаго происхожденія? объ этомъ всѣмъ здѣсь извѣстно, что онъ Дворянинъ, и хорошей природы.

СУЕВѢРОВЪ. Ха! ха! ха! Нѣмецъ, а Дворянинъ!

ЗНАТОКОВА. Да развѣ въ Нѣмецкой землѣ нѣтъ Дворянства?

СУЕВѢРОВЪ. Можетъ быть и есть; но какое ихъ Дворянство? Польское есть коренное: вотъ настоящее Дворянство.

ЗНАТОКОВА. Однакожъ сочтите, сколько намъ извѣстныхъ между чужестранцами людей храбрыхъ, сколько хорошихъ предводителей, которымъ весь свѣтъ удивляется.

СУЕВѢРОВЪ. Больше бы еще удивлялись, когда бы они были Дворяне. Что мнѣ въ ихъ храбрости, когда ни одинъ изъ нихъ на сеймикахъ нашихъ показаться не можетъ. Господинъ Эрнестъ человѣкъ достойной; но мнѣ такой зять потребенъ, которой бы и на сеймикахъ меня подкрѣплять могъ.

ЗНАТОКОВА. Естьли только это нужно, то господинъ Эрнестъ, имѣючи отъ всѣхъ великую благосклонность, при помощи ихъ на перьвомъ сеймѣ будетъ стараться получить право нашего Дворянства.

СУЕВѢРОВЪ. Что? право Дворянское? я самъ на то не позволю; и предпишу о томъ на моемъ сеймикѣ въ инструкціи перьвымъ пунктомъ. Увижу, какъ онъ то получить можетъ. О нѣтъ! этому не бывать!

ЗНАТОКОВА. Вы сами признаете, что онъ человѣкъ достойной и заслуженой въ нашемъ отечествѣ, то для чевожъ бы не должно ево присоединить къ нашему Дворянству?

СУЕВѢРОВЪ. Для того, что пусть чужестранцы не гнѣздятся въ нашемъ отечествѣ.

ЗНАТОКОВА. Вы сами всегда негодуете, что страна наша по обширности своей весьма малолюдна.

СУЕВѢРОВЪ. Правда.

ЗНАТОКОВА. Какимъ же образомъ обселить ея можете, когда имѣете въ такомъ презрѣніи чужестранцовъ? и тѣмъ, которые хотятъ у насъ вѣчно остаться, не хотите ни малаго подать способу, принесть услуги свои нашему отечеству.

СУЕВѢРОВЪ. Пусть сами Поляки заселяютъ наши земли.

ЗНАТОКОВА. Смѣятся сему должно, но прошу мнѣ сказать: кому Польша должна нынѣшнимъ людствомъ своимъ и порядочнымъ, сколько есть устройствомъ, буде не чужестранцамъ?

СУЕВѢРОВЪ. Хорошія мысли!

ЗНАТОКОВА. Однако жъ, тутъ гдѣ были дремучіе лѣса, и безлюдныя пустыни, тамъ видимъ мы города, села и деревни. И чемъ больше чужестранцовъ къ намъ прибывало, тѣмъ больше городовъ и протчихъ селеній умножалось.

СУЕВѢРОВЪ. Я о городахъ не спорю, пусть чужестранцы тамъ селятся; но что бы имъ давать наши преимуществы, на то я никогда не позволю.

ЗНАТОКОВА. Когда вы уже на то согласнь, то теперь здѣлаю вамъ вопросъ: развѣ мало есть въ Польшѣ Дворянскихъ фамилій, которыя изъ чужестранцовъ чрезъ присоединеніе здѣлались намъ единоземцами, и великія заслуги показали нашему отечеству?

СУЕВѢРОВЪ. Это правда; мы и сами Суевѣровы происхожденіе имѣемъ изъ Валахіи, отъ нѣкотораго славнаго Сенеки; но то иное дѣло.

ЗНАТОКОВА. Естьли бъ предки наши имѣли отъ чужестранцовъ такое отвращеніе, какъ вы теперь, то я васъ увѣряю, что Польша и до сихъ поръ была бы безлюдная пустыня, и въ древнемъ бы своемъ невѣжествѣ коснѣла,

СУЕВѢРОВЪ. Что? развѣ чужестранцы насъ просвѣтили?

ЗНАТОКОВА. И конечно; мы, что сколько нибудь просвѣщены, то неоспоримо имъ тѣмъ должны.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Они принесли къ намъ науки.

СУЕВѢРОВЪ. Не правда.

ЗНАТОКОВА. Имъ должны мы обхожденіемъ.

СУЕВѢРОВЪ. Пустое; не правда.

ЗНАТОКОВА. Имъ воинскимъ искуствомъ, и хорошимъ домостроительствомъ, мы обязаны.

СУЕВѢРОВЪ. Охъ! не правда, не правда.

ЗНАТОКОВА. Имъ и самою вѣрою одолжены мы!

СУЕВѢРОВЪ. Какъ? и вѣрою? О! это ужъ богохуленіе!

ЗНАТОКОВА. Да кто же былъ святый Моисей, развѣ не чужестранецъ?

СУЕВѢРОВЪ. Святый Моисей чужестранецъ! Ха! ха! святый, а чужестранецъ, хорошо! я съ вами и говорить больше не могу, сударыня; очень видно, что вы и сами заражены чужестранною вѣрою.

ЗНАТОКОВА. Мнѣ и самой жаль, что столько время попусту съ вами проводила; дѣлайте, что вамъ угодно.

СУЕВѢРОВЪ. И конечно то здѣлаю: обойдусь я и безъ васъ, когда прозьба моя не помогаетъ. Не знаю кому будетъ стыдно: прощайте. Изрядную сестрицу имѣю! чужестранцы принесли къ намъ вѣру! Что за безбожїе?

Явленїе 6.

ЗНАТОКОВА *одна.*

Не знаю, что съ этимъ человѣкомъ дѣлается! говорятъ, что женщины упрямы; а я скажу, что десять упрямыхъ женщинъ, не могутъ и одного упрямаго старика переспорить: онъ въ протчемъ человѣкъ снисходительной, и часто меня слушаетъ; но когда дѣло идетъ о чужестранцахъ, или вообще коснется до суевѣрныхъ обычаевъ, то тутъ ни одного слова слушать не хочетъ.

Явленїе 7.

ЗНАТОКОВА, ЕЛИСАВЕТА.

ЗНАТОКОВА. Я сердечно жалѣю о тебѣ Елисавета; всѣ мои происки, совѣты и старанїя пошли на вѣтеръ: въ свѣтѣ не слыхано такого упрямства, какое въ твоемъ отцѣ!

ЕЛИСАВЕТА. И свадьбы отложить не хочетъ?

ЗНАТОКОВА. О томъ не можно и говорить ему. Проклятой Календарь! тотъ неисходно въ голову ему вселился, говоритъ: что естьли здѣлаетъ противъ ево, то согрѣшитъ смертельно.

ЕЛИСАВЕТА. Такъ ужъ я непремѣнно должна итти на жертву Мотову? *Плачетъ.*

ЗНАТОКОВА. Что жъ мнѣ дѣлать, любезная Елисавета! Я тебя увѣряю, что сей случай меня не меньше твоего оскорбляетъ. Соболѣзновать мнѣ только о твоемъ несчастіи осталось; а помочь ни малаго не нахожу способу. Оботри глаза, господинъ Эрнестъ идетъ.

Явленіе 8.

ЗНАТОКОВА, ЕЛИСАВЕТА, ЭРНЕСТЪ.

ЭРНЕСТЪ. Смущеніе, которое вижу на лицахъ вашихъ, предвѣщаетъ мнѣ уже мое несчастіе.

ЗНАТОКОВА. Вы не ошибаетесь: знать не угодно то судьбѣ, что бъ вашею быть Елисаветѣ.

ЭРНЕСТЪ. Развѣ нѣтъ уже нималой къ тому надежды?

ЗНАТОКОВА. Вся погибла: я все то дѣлала, что только было можно; но не могла преодолѣть упорства моего брата.

ЭРНЕСТЪ. И такъ не льзя уже отвлечь ево отъ предпріятія.

ЗНАТОКОВА. Никакъ не можно: Календарь не дозволяетъ!

ЭРНЕСТЪ. Къ послѣдней крайности отчаяніе меня побуждаетъ, и разсудокъ мало уже дѣйствовать мною можетъ; боюсь, что бъ не дойти до того, что потерявъ всю надежду, обычайно предпріемлютъ.

Явленіе 9.

ТѢ ЖЪ и АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ. Хорошія вѣсти, хорошія! поздравляю Агафья!

ЗНАТО-

ЗНАТОКОВА. Что такое ?

АГАФЬЯ. Мотовъ обманулся въ своемъ предпріятіи; я сама ево перехитрила.

ЭРНЕСТЪ. Но какъ . . .

АГАФЬЯ. Начало удачно; а и конецъ доброй будетъ.

ЭРНЕСТЪ. Но не мучь же меня такъ долго, любезная Агафья !

АГАФЬЯ. *Тихо.* Господинъ Суевѣровъ идетъ!

Эрнестъ уходитъ; Знатокова итти намѣряется.

Явленіе 10.

СУЕВѢРОВЪ, МОТОВЪ, ЗНАТОКОВА, ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Прошу погодить не много.

ЗНАТОКОВА. Извините, я имѣю свои нужды.

МОТОВЪ. Конечно присудствіе мое вамъ, сударыня, здѣсь остаться не дозволяетъ.

ЗНАТОКОВА. Вы можете судить о томъ такъ, какъ вамъ угодно.

(*Отходитъ.*)

Явленіе 11.

СУЕВѢРОВЪ, МОТОВЪ, ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Видите, какую я изрядную сестрицу имѣю! она всѣхъ женщинъ въ упрямствѣ превосходитъ; какъ я ни старался, что бъ ея склонить къ вамъ; но все было напрасно. Чево больше : не хочетъ быть еще и на свадьбѣ вашей.

МОТОВЪ. Это правда, не хочетъ и имѣнія своего укрѣпить намъ.

СУЕВѢРОВЪ. Объ этомъ не сумнѣвайтесь пожалуйте : женщины обыкновенно перемѣняютъ

няютъ свои мысли, должна будетъ укрѣпить вамъ, я въ томъ.

МОТОВЪ. Я о томъ нимало не думаю: вамъ извѣстно, сударь, что я человѣкъ не сребролюбивой. Изъ одной страстной любви беру любезную дочь вашу, а не для приданаго.

СУЕВѢРОВЪ. *Елисаветѣ.* Слышишь, какія хорошія имѣетъ мысли!

МОТОВЪ. Имѣю по милости Божїей своего довольно. И теперь прикащикъ мой изъ Гданска пишетъ, что продалъ тамъ моихъ товаровъ на пять тысячь червонныхъ; вотъ и письмо собственной руки ево.

СУЕВѢРОВЪ. Вижу: слышишь Елисавета?

МОТОВЪ. Въ долгахъ также имѣю на разныхъ господахъ около десяти тысячь червонныхъ: вотъ и векселі.

СУЕВѢРОВЪ. Правда: Елисавета слушай!

МОТОВЪ. Имѣю также и грамоту на одно староство, на сихъ дняхъ мнѣ данное, я отдалъ ея въ печать; но то староство не дѣлаетъ больше годоваго дохода, какъ тысячу червонныхъ.

СУЕВѢРОВЪ. А чево жъ хотѣть! слышишь Елисавета?

МОТОВЪ. Я за мои услуги лучшаго ожидалъ отъ Двора награжденія, и для того не хотѣлъ и принять ево; но какъ обѣщано наградить меня впредь другимъ, то на сей разъ принужденъ быть тѣмъ доволенъ.

СУЕВѢРОВЪ. Слышишь Елисавета? радъ бы я былъ, чтобъ и сестра моя то слышала. Будь теперь весела, что Небеса тебѣ такого жениха опредѣлили . . . Я отдаю тебя ево

милости

милости . . . Дай свою руку . . . Не хочешь . . . Ужъ и ты у тетки своей упрямству учишься. Поклонись же ево милости.

МОТОВЪ. Это моя должность, дѣлать почтеніе любезной дочери вашей.

СУЕВѢРОВЪ. Не сумнѣвайтесь пожалуйте, ея удерживаетъ стыдъ, а въ самомъ дѣлѣ она васъ любитъ; я это знаю. Вы севодни будете ея имѣть уже въ вашей полной власти.

МОТОВЪ. Не терпѣливо жду той драгоцѣнной минуты!

СУЕВѢРОВЪ. А ты Агафья выдешь за господина Худякова. Севодни самой хорошей день для свадьбы: смотри, что Календарь пишетъ: вить не глупой человѣкъ писалъ ево. Я исправлю тебя честно; дамъ тебѣ на новосельѣ корову и овечекъ; и такъ ты уже теперь господина Худякова.

АГАФЬЯ. Не дождется онъ того.

СУЕВѢРОВЪ. Я хочу: то должно такъ быть.

АГАФЬЯ. Благодарю Бога, что я не дочь ваша.

СУЕВѢРОВЪ. Что это? какъ ты говоришь?

АГАФЬЯ. Природнымъ языкомъ.

СУЕВѢРОВЪ. Но что ты сказала?

АГАФЬЯ. Я одной рѣчи не говорю по два раза.

СУЕВѢРОВЪ. Да что это значитъ? благодаришь Бога, что ты не дочь моя?

АГАФЬЯ. То, что я не пойду за тово за мужъ, кто не милъ мнѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Да ты должна уважить, что господинъ Худяковъ Дворянинъ.

АГАФЬЯ. Меня ево Дворянство кормить не будетъ.

МОТОВЪ. Госпожа Агафья высокія имѣетъ о себѣ мысли.

АГАФЬЯ. Я нижайшая услужница ваша, сударь, а больше ничево.

СУЕВѢРОВЪ. Оставь ея пожалуй, видите, какъ глупа она.

АГАФЬЯ. Вы бы могли, сударь, сей комплементъ оставить въ вашей деревнѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Слушай же, я тебя научу!

АГАФЬЯ. Я не вамъ служу, сударь.

МОТОВЪ. Не извольте, сударь, такъ гнѣваться, это вамъ вредно быть можетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Видишь какая!

МОТОВЪ. Но оставьте, сударь, поберегите драгоцѣнное здоровье ваше, пойдемъ теперь окончиват свадебной договоръ. *Елисаветѣ*: Смертельное огорченіе чувствую, и на минуту отлучиться отъ васъ, сударыня. *Цѣлуетъ руку.*

ЕЛИСАВЕТА. Покорная услужница ваша.

МОТОВЪ. *Суевѣрову.* Къ вашимъ услугамъ. *Отходятъ.*

Явленіе 12.

ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

ЕЛИСАВЕТА. Ахъ Агафья! я погибаю.

АГАФЬЯ. Обманется Мотовъ: я васъ увѣряю.

ЕЛИСАВЕТА. Ты обнадеживаешь; но какимъ образомъ быть то можетъ?

АГАФЬЯ. Вы уже положитесь на меня; я что начну, то не премѣнно исполню; Мотовъ

товъ, какъ потерялъ все, такъ и васъ потеряетъ, сударыня.

ЕЛИСАВЕТА. Но я знать хочу, что ты предпріемлешь?

АГАФЬЯ. Я только что хотѣла говорить о томъ.

ЕЛИСАВЕТА. Сказывай же мнѣ скорѣе.

АГАФЬЯ. Скорѣе! мой языкъ въ скачь не бѣгаетъ, надобно имѣть терпѣніе.

ЕЛИСАВЕТА. Да вить ты знаешь, какъ коротко время.

АГАФЬЯ. Ну, я коротко и скажу вамъ: я сказала купцу Ансельму, что другіе заимодавцы Мотова разберутъ получаемое имъ приданое; а ему на заплату ево долгу ничево не оставятъ. Старикъ устрашившись побѣжалъ къ Нотаріусу, что бъ захватить приданое и приставить караулъ, съ чемъ тотчасъ сюда и будетъ.

ЕЛИСАВЕТА. Что жъ изъ того выдетъ?

АГАФЬЯ. То, что отецъ вашъ узнавши, какіе неоплатные Мотовъ имѣетъ на себѣ долги, не выдастъ васъ за нево, сударыня.

ЕЛИСАВЕТА. Сумнѣваюсь, что бъ могло то помочь намъ.

АГАФЬЯ. Я скажу вамъ больше, сударыня, какъ я то расположила; пойдемте въ тотъ покой, здѣсь не на чемъ сѣсть; а я довольно на бѣгалась, искавши Ансельма.

ЕЛИСАВЕТА. Пойдемъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Явленіе 1.

АГАФЬЯ, ИВАНЪ.

АГАФЬЯ. Надобно непремѣнно, что бъ господинъ твой былъ здѣсь наготовѣ.

ИВАНЪ. Развѣ есть еще какая надежда?

АГАФЬЯ. И великая: а все-то моя голова сработала. Я когда чево захочу, то непремѣнно здѣлаю.

ИВАНЪ. Я знаю, что вы на это проворны.

АГАФЬЯ. Но скажи своему господину, пусть онъ знаетъ о семъ дѣлѣ.

ИВАНЪ. Madame Agatha денежки любитъ.

АГАФЬЯ. Не очень: однако эта бездѣлица весьма потребна.

ИВАНЪ. А съ нами, что будетъ, ежели господа наши женятся?

АГАФЬЯ. Должно будетъ и намъ о себѣ подумать.

ИВАНЪ. Да любитель вы меня, сударыня?

АГАФЬЯ. А вы меня?

ИВАНЪ. Всѣмъ сердцемъ.

АГАФЬЯ. И я люблю васъ: да и таиться не имѣю причины; мнѣ очень не нравиться обычай нашихъ госпожъ, что они не стыдятся любить, а стыдятся въ томъ признаться. Я люблю искренность.

ИВАНЪ. И я тѣхъ же мыслей: дай мнѣ свою руку. Vivat Madame Agatha!

АГАФЬЯ. Vivat Monsieur Johann!

Явленіе 2.

СУЕВѢРОВЪ, ИВАНЪ, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Что тутъ за шумъ? а! это кажется слуга господина Эрнеста. Ты

братъ

братъ балуешь здѣсь только у меня дѣвку: пошолъ вонъ отсюдова.

ИВАНЪ. Покорный слуга, сударь! *Отходитъ.*

АГАФЬЯ. Какъ балуешь? что это значитъ?

СУЕВѢРОВЪ. То значитъ, что онъ отвращаетъ сердце твое отъ Худекова.

АГАФЬЯ. Оно къ этому негодяю никогда и склонно не было.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ къ негодяю? ты смѣешь такъ говорить о Дворянинѣ; по этому у тебя лучше холопъ, нежели Дворянинъ?

АГАФЬЯ. Прошу извинить! онъ не холопъ: вы не изволите знать.

СУЕВѢРОВЪ. Что, ты меня учить хочешь?

АГАФЬЯ. Да, не холопъ.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ же, такъ развѣ онъ Дворянинъ?

АГАФЬЯ. Не холопъ и не Дворянинъ; можетъ быть, что нибудь между тѣмъ.

СУЕВѢРОВЪ. Что такое между тѣмъ?

АГАФЬЯ. Есть мѣщане, почтенные люди, которые не со всѣмъ Дворяне, а также и не холопы.

СУЕВѢРОВЪ, Ха! ха! не холопы! Ха! ха!

АГАФЬЯ. Вѣрно не холопы; я бы желала лучше одного честнаго мѣщанина, нежели десять Худяковыхъ.

СУЕВѢРОВЪ. Ты очень глупа.

АГАФЬЯ. Это дворянская учтивость.

СУЕВѢРОВЪ. Поди же вонъ; я тотчасъ тебя палкою . . .

АГАФЬЯ. И это дворянское достоинство, что бъ бить женщинъ, нижайше кланяюсь. *Отходитъ.*

СУЕВѢРОВЪ. Что за бѣда! этакой у нее ротъ скверной; эти Варшавки дьявольской

языкъ имѣютъ . . . Но что за старичокъ сюда идетъ? Подожду ево.

Явленїе 3.

СУЕВѢРОВЪ, АНСЕЛЬМЪ.

АНСЕЛЬМЪ. Покорный вашъ слуга, сударь.

СУЕВѢРОВЪ. Слуга нижайшїй; а кто вамъ здѣсь надобенъ?

АНСЕЛЬМЪ. Не здѣсь ли живетъ господинъ Суевѣровъ?

СУЕВѢРОВЪ. Здѣсь. *Тихо.* (Незнаю, что за человѣкъ, я никогда ево не видывалъ.) Имѣете до него какое дѣло?

АНСЕЛЬМЪ. Найдется.

СУЕВѢРОВЪ. Вы можете говорить со мною; ево всѣ дѣла черезъ меня идутъ. И что я дѣлаю, то все онъ утверждаетъ.

АНСЕЛЬМЪ. Тѣмъ лучше.

СУЕВѢРОВЪ. Скажите жъ мнѣ скорѣе.

АНСЕЛЬМЪ. Я извѣстился, что господинъ Суевѣровъ выдалъ дочь свою за господина Мотова.

СУЕВѢРОВЪ. Какаяжъ тебѣ въ томъ нужда? развѣ и ты хотѣлъ взять ее? Ха! ха!

АНСЕЛЬМЪ. Ха! ха! ха! для чево нѣтъ. Взялъ бы, естьли бъ за меня отдали; я слышалъ, что за нею приданаго на десять тысячь червонныхъ. Этакая невѣста примачива.

СУЕВѢРОВЪ. Э! хе! хе! не такъ богато, это бы много было для господина Суевѣрова.

АНСЕЛЬМЪ. Мнѣ сказано, что господинъ Суевѣровъ, хотя и простачокъ; но имѣетъ довольныя деньги.

СУЕВѢРОВЪ. Простачокъ! а кто же это сказалъ вамъ?

АНСЕЛЬМЪ. Люди; но сколько жъ однако за нею приданаго?

СУЕВѢРОВЪ. Всево будетъ около двухъ тысячь червонныхъ.

АНСЕЛЬМЪ. Только!

СУЕВѢРОВЪ. Больше не будетъ.

АНСЕЛЬМЪ. Пропалъ я: сгубилъ меня бездѣльникъ Мотовъ.

СУЕВѢРОВЪ. А что такое?

АНСЕЛЬМЪ. Такъ я и пятой части не получу моего долгу!

СУЕВѢРОВЪ. Какова долгу?

АНСЕЛЬМЪ. Онъ мнѣ долженъ больше десяти тысячь червонныхъ.

СУЕВѢРОВЪ. Кто, Мотовъ?

АНСЕЛЬМЪ. Этотъ плутъ безбожной!

СУЕВѢРОВЪ. Какъ, плутъ господинъ Мотовъ?

АНСЕЛЬМЪ. Плутъ надъ плутами.

СУЕВѢРОВЪ. Прошу осторожнѣе говорить о такомъ господинѣ, которой такъ хорошо при Дворѣ принятъ.

АНСЕЛЬМЪ. Ха! ха! ха! И васъ онъ о томъ увѣрилъ; такъ точно и меня обманывалъ. Я думалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ такъ при Дворѣ принимается, какъ расказываетъ; по чему и давалъ ему не только товарами, но и деньгами; а онъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы. На конецъ не могши дождатся заплаты, хотѣлъ остановить у Двора его жалованье; но меня тамъ увѣрили и сказали, что онъ не только не принадлежитъ ко двору, но еще и во Дворецъ, по бесчестнымъ и бездѣльническимъ поступкамъ пускать ево не велѣно.

СУЕВѢРОВЪ. Во снѣ я это вижу, или вы шутите надо мною?

АНСЕЛЬМЪ. У меня слезы на умѣ, а не шутка! Сказалъ мнѣ проклятой сынъ, что по утру рано заплатитъ мнѣ придаными деньгами десять тысячь червонныхъ; но между тѣмъ меня остерегли, что и другіе заимодавцы такъ же хотятъ захватить себѣ тѣ деньги; по чему я и прибѣжалъ сюда съ караульными заарестовать полученное имъ приданое.

СУЕВѢРОВЪ. Но это очень грубо, что бъ арестовать пожитки у такова человѣка, которой имѣетъ деревни и Старосство.

АНСЕЛЬМЪ. Какія у чорта деревни? они при мнѣ проданы. Этотъ человѣкъ со всѣмъ ни чего не имѣетъ; голъ какъ бубенъ.

СУЕВѢРОВЪ. [У меня сердце нѣчто замираетъ;] но получилъ однако жъ Старосство . . .

АНСЕЛЬМЪ. Ха! ха! ха! такъ точно онъ и меня обманывалъ. Ему то и дадутъ Старосство; мнѣ больше о семъ знать должно. Меня нужда приводитъ ежедневно о немъ развѣдывать. Смотрите, сударь, сколько мнѣ онъ долженъ, вотъ ево вексели.

СУЕВѢРОВЪ. Не очень хорошій отъ этихъ бумагъ запахъ. Но . . . прикащикъ ево къ нему писалъ, что собралъ ему пять тысячь червонныхъ.

АНСЕЛЬМЪ. Ха! ха! ха! конечно во Гданскѣ за хлѣбъ.

СУЕВѢРОВЪ. Такъ точно.

АНСЕЛЬМЪ. Слово въ слово такъ меня обманывалъ; показывалъ мнѣ еще и векселн отъ разныхъ господъ . . .

СУЕВѢРОВЪ. А развѣ и то не правда?

АНСЕЛЬМЪ. Все то ложъ, обманъ и плутовство.

СУЕВѢРОВЪ. Боже мой! я зналъ отца его, онъ оставилъ ему хорошія деревни и денегъ не мало.

АНСЕЛЬМЪ. Въ той-то надеждѣ и я ссужалъ ево; однако все то карты, и проворныя дѣвки цожрали. Но я долго съ вами замѣшкался, а имѣю нужду. Я бы хотѣлъ скорѣе приведенный караулъ оставить у господина Суевѣрова, по крайней мѣрѣ для тѣхъ двухъ тысячь; лучше хотя и то взять, нежели ничево.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ можно вамъ заарестовать приданое, когда Мотова съ Елисаветой не было еще свадьбы.

АНСЕЛЬМЪ. Какъ не было? онъ писалъ ко мнѣ, что уже женился; только господинъ Суевѣровъ не хочетъ вдругъ отдать ему приданаго. Вотъ и письмо ево.

СУЕВѢРОВЪ. Посмотримъ, что въ немъ написано, рука ево, ево точно рука! прочтемъ. *Читаетъ.* „Что я по слову моему, васъ государь мой! не удовольствовалъ, „тому причиною господинъ Суевѣровъ, который отдавъ за меня дочь свою, откладываетъ и проволачиваетъ отдачею „мнѣ приданыхъ десяти тысячь червонныхъ; но севодни этотъ мерской трунъ „отдать мнѣ непремѣнно будетъ долженъ; „я тѣ деньги у него изъ горла вырву. Прошу

„ взять малое терпѣнїе . . . „ Хорошїй слогъ. Я у него изъ горла вырву! вырву! изъ горла вырву. Что за безбожникъ! можно ль сего ожидать было ?

АНСЕЛЬМЪ. Такъ вы говорите подлинно не было свадьбы ?

СУЕВѢРОВЪ. И никогда не будетъ: что это за человѣкъ!

АНСЕЛЬМЪ. Здѣлайте со мною милость, не сказывайте ничево господину Суевѣрову о томъ, что мы съ вами говорили; онъ для сего можетъ быть не отдастъ за нево своей дочери, а я могу тѣмъ потерять мои деньги. Я все думалъ, что уже дѣло здѣлано.

СУЕВѢРОВЪ. Ни вы денегъ, и ни онъ дочери моей, не ожидайте.

АНСЕЛЬМЪ. Онъ не вашу; но господина Суевѣрова дочь взять хотѣлъ.

СУЕВѢРОВЪ. Я самой тотъ Суевѣровъ, котораго вы простачкомъ называете.

АНСЕЛЬМЪ. Не я . . . Я думалъ . . .

СУЕВѢРОВЪ. Покорно благодарствую за увѣдомленїе! оно мнѣ нужно. Прощайте, извольте итти счастливо.

АНСЕЛЬМЪ. Но я однакожъ для всякаго случая, приведенный мною караулъ здѣсь оставлю.

СУЕВѢРОВЪ. Этотъ караулъ ни вамъ пользы, ни мнѣ вреда не здѣлаетъ. Желаю вамъ счастливой путь, прощайте.

АНСЕЛЬМЪ. Самъ себя сгубилъ я, что не во время открылся! теперь уже погибъ, и нѣтъ ни малой мнѣ надежды. *Отходитъ.*

Явленїе 4.

СУЕВѢРОВЪ *одинъ.*

О безбожникъ! чуть не сгубилъ меня вѣчно. Но что это за бумашку уронилъ старикъ... А! это то самое прекрасное письмецо. *Читаетъ опять.* Что за безсовѣстный. Изъ горла вырву! мерской трупъ! о бездѣльникъ! письмо сїе есть доказательствомъ. Теперь сестра моя будетъ торжествовать надо мною. Правда, должно бы ей вѣрить; но кто бы могъ объ немъ то думать, что бъ онъ былъ такой обманщикъ. Какое честное обхожденїе! какая наружная учтивость! а внутри у нево сидитъ дьяволъ.

Явленїе 5.

СУЕВѢРОВЪ, ЗНАТОКОВА.

ЗНАТОКОВА. Что вы за гостя у себя имѣли?

СУЕВѢРОВЪ. Купецъ, мой старинный знакомецъ.

ЗНАТОКОВА. Чево онъ хотѣлъ отъ васъ?

СУЕВѢРОВЪ. Я имѣю съ нимъ нѣкоторыя росчеты.

ЗНАТОКОВА. На что вы отъ меня таитесь; я знаю, что онъ за человѣкъ, и за чѣмъ приходилъ сюда. Вамъ сїе стыда не дѣлаетъ; но еще радоваться должно, что прежде свадьбы то открылось, въ чемъ мнѣ вѣрить не хотѣли.

СУЕВѢРОВЪ. Правда: обманулъ было меня этотъ плутъ. Какъ можно было ожидать сего? жалѣю, что я васъ не слушалъ.

ЗНАТОКОВА. Это уже здѣлано.

СУЕВѢРОВЪ. Что за беззаконникъ! пусть онъ женится на чортѣ; а не на моей дочери. Смотрите, какое онъ письмо къ сему купцу писалъ. *Читаетъ*: изъ горла вырву, мерской трупъ; что за бездѣльникъ!

ЗНАТОКОВА. Онъ въ крайности будучи, послѣднiя и средства предпринимаетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Изъ горла вырву: хорошая почесть!

ЗНАТОКОВА. Вѣрно: все то приданое пошло бы на заплату долговъ.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошiй зять: изъ горла вырву!

ЗНАТОКОВА. Великоебъ вы утѣшенiе имѣли.

СУЕВѢРОВЪ. Дамъ я тебѣ мошенникъ!

ЗНАТОКОВА. Но не сердитесь пожалуйте.

СУЕВѢРОВЪ. Вырвалъ бы у тебя жизнь прежде.

ЗНАТОКОВА. Оставьте это пожалуйте.

СУЕВѢРОВЪ. Вырвешь ты у меня? увидимъ!

ЗНАТОКОВА. На что ужъ вспоминать то.

СУЕВѢРОВЪ. Ты у меня вырвешь? лучше тебя отъ меня бѣгивали; я и теперь трехъ еще такихъ управлю. Разумѣешь!

ЗНАТОКОВА. Довольно ужъ.

СУЕВѢРОВЪ. Выдамъ тотчасъ манифестъ, опишу все. Меня трупомъ называть? меня? я тебя научу!

ЗНАТОКОВА. Но пора о свадьбѣ думать, уже все приготовленiе . . .

СУЕВѢРОВЪ. Не свадьба мнѣ теперь на умъ идетъ.

ЗНАТО-

ЗНАТОКОВА. Какъ же? смѣхъ штоли намъ изъ себя здѣлать. Сколько денегъ на приготовленіе издержали; гости всѣ придутъ . . .

СУЕВѢРОВЪ. Да за какова жъ черта я дочь выдамъ? развѣ за того полоумнаго, которой изъ горла приданое у меня вырвать хочетъ?

ЗНАТОКОВА. Вы имѣете другаго достойнаго жениха господина Эрнеста.

СУЕВѢРОВЪ. Вѣрно выдалъ бы за него, люблю ево; но то несчастье, что онъ чужестранецъ.

ЗНАТОКОВА. Какой же отъ того вредъ быть можетъ? представте, сколько достойныхъ Польскихъ дѣвицъ вышло за чужестранцовъ!

СУЕВѢРОВЪ. Для того-то и погибаетъ наша Польша.

ЗНАТОКОВА. По чему погибаетъ? вмѣсто того, естли была когда надежда, такъ это нынѣ, что бъ ей возвыситься.

СУЕВѢРОВЪ. Правда: что теперь бы возвышалась, когда бы этихъ чужестранцовъ не было.

ЗНАТОКОВА. Однако жъ: что бы умножить ремеслы, что бы завесть манифактуры, что бы процвѣло купечество, и что бы домостроительство приведено было въ лучшее состояніе; то къ сему необходимо нужны чужестранцы.

СУЕВѢРОВЪ Ой! ой! Я на то не согласенъ; я бы всѣхъ ихъ вонъ выгналъ.

ЗНАТОКОВА. Хорошія мысли! вы Жидовъ терпите, а Хрістіанъ, почтенныхъ людей и столь намъ нужныхъ, терпѣть не хотите.

СУЕВѢРОВЪ. Жиды, Жиды! иное дѣло Жиды. Мы отъ нихъ денежки имѣемъ. Вотъ и теперь мой откупщикъ Жидъ Шмуйло, далъ мнѣ за корчму 30 рублевъ; а прежде она ходила только по двatцати по семи рублевъ съ полтиною.
ЗНАТОКОВА. А чужестранцы мало развѣ пользы намъ приносятъ?
СУЕВѢРОВЪ. Я отъ нихъ не видалъ ни одной полушки. Но вотъ дочь моя идетъ; не говорите при ней ничево о Мотовѣ.

Явленїе 6.

СУЕВѢРОВЪ, ЗНАТОКОВА, ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ.

СУЕВѢРОВЪ. Послушай Елисавета. Скажи мнѣ искренно, любишь ли ты Мотова?
ЕЛИСАВЕТА. Я прежде уже вамъ, сударь, открывала, что хотя бы въ угодность вамъ и хотѣла склонить къ нему мое сердце; но однако жъ, никакъ не могу себя къ тому принудить.
СУЕВѢРОВЪ. Это другое дѣло: я думалъ, что ты стыдишься мнѣ признаться въ любви къ нему; а когда такъ, то я не хочу принуждать тебя. Я бы сталъ раскаиваться послѣ, естьли бъ отдалъ тебя неволею. Будь теперь увѣрена, что я тебя за нево не выдамъ.
ЕЛИСАВЕТА. Вы ни чѣмъ другимъ, сударь, милости вашей больше мнѣ изьявить не можете.
АГАФЬЯ. Но отъ чево такъ скоро вы, сударь, мысли ваши перемѣнили? и такого достойнаго жениха оставляете?

СУЕВѢ-

СУЕВѢРОВЪ. Я ево не оставляю; но когда Елисавета итти за него не хочетъ, то можно ль мнѣ не нарушая совѣсти моей, къ тому ее принудить. *Елисаветѣ.* Но смотри Елисавета, что бы послѣ не жалѣть о немъ!

ЕЛИСАВЕТА. Я увѣряю васъ, что никогда жалѣть о немъ не буду.

АГАФЬЯ. И я въ томъ за нее ручаюсь; но однако будемъ ли сегодни танцовать Драбанта? у меня ужъ и ноги къ тому готовы.

СУЕВѢРОВЪ. Драбантъ ужъ не въ обычьѣ.

АГАФЬЯ. То обойдемся и безъ него; но должно бы увѣдомить господина Эрнеста.

СУЕВѢРОВЪ. О чемъ?

АГАФЬЯ. Что Мотовъ уже съѣхалъ съ поля.

СУЕВѢРОВЪ. Не надобно.

АГАФЬЯ. А какъ же свадьба будетъ?

СУЕВѢРОВЪ. Не будетъ.

АГАФЬЯ. Не будетъ: а что мы будемъ дѣлать съ такимъ дорогимъ ужиномъ? госпожа моя, и вы знатную сумму на то издержали, и все уже изготовлено.

СУЕВѢРОВЪ. Правда ужинъ . . . Убытокъ . . . Но, ужинъ можно продать, сочтяся, во что онъ сталъ намъ.

ЗНАТОКОВА. Да кто ево купитъ?

СУЕВѢРОВЪ. Можетъ быть купятъ въ харчевню; пусть Агафья пойдетъ, и обьявитъ по всѣмъ мѣстамъ, что есть продажной ужинъ.

АГАФЬЯ. Ха! ха! ха! хорошій товаръ! лучше послать ево во Гданскъ; а гости зазваны . . .

СУЕВѢРОВЪ. Гостей поди отзови. Скажи: что имѣю къ тому причину.

АГАФЬЯ. А когда спросятъ о причинѣ, что мнѣ сказать имъ?

СУЕВѢРОВЪ. Что . . . Скажи, что занемогла невѣста.

ЕЛИСАВЕТА. Я здорова, сударь, къ вашимъ услугамъ.

ЗНАТОКОВА. Что вы дѣлаете. Вить это разнесется по всей Варшавѣ. Мы смѣхъ изъ себя здѣлаемъ. *Слышно настроиваніе музыкальныхъ инструментовъ.*

АГАФЬЯ. Слышите, сударь?

СУЕВѢРОВЪ. А что это такое?

АГАФЬЯ. Пришли ужъ музыканты.

СУЕВѢРОВЪ. Сказать этимъ бродягамъ, что бы шли вонъ, они уже не надобны.

АГАФЬЯ. Прежде заплатить имъ должно договорную цѣну.

СУЕВѢРОВЪ. За что? когда они не играли.

АГАФЬЯ. Довольно, что они пришли; а то они и насильно играть будутъ.

СУЕВѢРОВЪ. Выгнать ихъ изъ дому.

АГАФЬЯ. Такъ, выгнать! у васъ людей-та и всѣхъ не сколько; а ихъ пришло двенатцать человѣкъ, какъ палачи. Я васъ увѣряю, что они прежде не пойдутъ, пока имъ заплачено не будетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Ты что ни говоришь, все болтаешь пустое.

ЗНАТОКОВА. Она говоритъ дѣло: ты и себя и дочь даешь на посмѣшище всѣмъ людямъ. Нѣ чево тутъ ужъ другова дѣлать, какъ послать за господиномъ Эрнестомъ.

Онъ

Онъ еще и приданаго не требуетъ; а одной только Елисаветы.

СУЕВѢРОВЪ. Какъ! не хочетъ приданаго?

ЗНАТОКОВА. Онъ ево уступаетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошо бы: да только то бѣда, что онъ чужестранецъ. Пойду, одинъ подумаю, что мнѣ дѣлать.

АГАФЬЯ. СъКалендаремъ, сударь, посовѣтуйте.

СУЕВѢРОВЪ. А ты потише, другъ мой!

ЗНАТОКОВА. И то правда, не должно упускать такова хорошева дня для свадьбы.

СУЕВѢРОВЪ. Хорошо: я одинъ о томъ подумаю. Подите, оставьте здѣсь меня.

Явленіе 7.

СУЕВѢРОВЪ *одинъ*.

Самъ не знаю, что мнѣ дѣлать? правда: все уже къ свадьбѣ приготовлено; гости зазваны . . . Эрнестъ чужестранецъ . . . или выдамъ уже за Мотова . . . Что? за него выдать? за этова бездѣльника! пропади онъ злодѣй! но денегъ столько издержано, что тутъ дѣлать . . . Да и день такой хорошій для свадьбы. Правда, что Эрнестъ чужестранецъ; но человѣкъ достойный: полно. Чево больше, и приданаго не хочетъ; быть такъ. Не можно пропустить дня сего. Пусть Эрнестъ . . .

Явленіе 8.

СУЕВѢРОВЪ, МОТОВЪ.

МОТОВЪ. Я въ несносныхъ нахожусь обстоятельствахъ. Вы не хотите, сударь, отдать мнѣ теперь приданого; а я, по дворянской чести, обѣщалъ севодни ссудить

одного знатнаго господина тремя тысячами рублей. Естьли же севодни не дамъ, то и моя и ево честь постраждетъ.

СУЕВѢРОВЪ. А на что же вы обѣщали, когда не имѣете денегъ.

МОТОВЪ. Думалъ, что прикащикъ мой севодни пріѣдетъ изъ Гданска; а вмѣсто того сей часъ получилъ отъ него письмо, что онъ будетъ не прежде, какъ чрезъ два дни. Сгубилъ меня бездѣльникъ; но я вамъ, сударь, тотчасъ отдамъ ихъ обратно, какъ скоро онъ сюда пріѣдетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Слуга покорный!

МОТОВЪ. Я вамъ дамъ въ закладъ тѣ вексели, которые вы у меня видѣли, и подпишу на нихъ: Что естьли черезъ два дни той суммы вамъ не возвращу; то взысканіе по онымъ вамъ уже принадлежать будетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Слуга нижайшій!

МОТОВЪ. Я вамъ за словомъ признаться долженъ: господинъ тотъ человѣкъ молодой, знатной фамиліи, проигралъ немалую сумму въ карты, которую естьли севодни не заплатитъ, то вѣчно за безчестнаго щитаться будетъ, и не можетъ ко Двору показаться.

СУЕВѢРОВЪ. Неправда: при Дворѣ нынѣ и въ карты не играютъ.

МОТОВЪ. Но прошу выслушать далѣе. Этотъ господинъ хочетъ продать мнѣ деревни за три тысячи рублей, которые стбятъ больше семи, для тово только, что имѣетъ теперь крайнюю нужду, съ тѣмъ, что бъ не премѣнно севодни онъ получилъ деньги. Изволите видѣть, можно ль

съ лучшею пользою, когда употребить приданыя деньги.

СУЕВѢРОВЪ. Пусть тотъ молодой господинъ придетъ ко мнѣ: я куплю у него деревни, буде они такъ хороши, какъ вы сказываете.

МОТОВЪ. Ахъ! какъ это быть можетъ? онъ всѣ способы употребляетъ скрывать то, что онъ имѣетъ въ деньгахъ недостатокъ; одному мнѣ открылся, по довѣренности, которую онъ ко мнѣ имѣетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Когда такъ, то я покорно благодарствую! я не люблю тайно покупать деревни.

МОТОВЪ. Но что же вамъ препятствуетъ? вить я даю вамъ въ закладъ на такую сумму вексели; а до сроку обязуюсь платить вамъ по пятнадцяти процентовъ на сто.

СУЕВѢРОВЪ. И нижайше благодарствую! Коротко сказать, не дамъ вамъ ни полушки.

МОТОВЪ. Какъ? вить это приданое!

СУЕВѢРОВЪ. Оно ужъ заарестовано: вы пользоваться имъ не можете.

МОТОВЪ. Заарестовано? мнѣ это непонятно.

СУЕВѢРОВЪ. Купецъ господинъ Ансельмъ заарестовалъ его.

МОТОВЪ. Что это за купецъ Ансельмъ?

СУЕВѢРОВЪ. Вотъ ево караулъ здѣсь. Смотрите.

МОТОВЪ. Ансельмъ? Ансельмъ. Я этова человѣка не знаю; какое онъ можетъ имѣть до меня дѣло? я въ первой разъ еще слышу ево имя.

СУЕВѢ-

СУЕВѢРОВЪ. Тотъ самой Анселмъ, который давалъ вамъ въ долгъ товары и деньги.
МОТОВЪ. Мнѣ давалъ?
СУЕВѢРОВЪ. Имѣетъ и вексели на знатную сумму, вашею рукою подписанныя.
МОТОВЪ. Отъ меня вексели? удивляюсь, что вы знавъ коротко меня, вѣрите симъ разсказамъ.
СУЕВѢРОВЪ. Правда, теперь довольно уже знаю; хотя прежде и не былъ такъ счастливъ.
МОТОВЪ. Я всего того не понимаю: конечно какой нибудь бездѣльникъ меня оклеветалъ вамъ, что бы вперить обо мнѣ худыя мысли; но прошу мнѣ его открыть; Я увѣряю васъ, что я сыщу свое удовольствіе.
СУЕВѢРОВЪ. Тотъ мнѣ разсказалъ все, кому вы такую великую сумму должны.
МОТОВЪ. Я кому долженъ? я?
СУЕВѢРОВЪ. Я видѣлъ въ векселяхъ подписано собственною вашею рукою.
МОТОВЪ. Моею рукою! тутъ должно быть обману. Вѣрно господинъ Эрнестъ своими вымыслали хочетъ васъ на меня озлобить, что бъ лучше получить успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ. Эти иноземцы очень умѣютъ подписываться подъ чужія руки. Увидите, что я съ нимъ здѣлаю, пусть онъ простится съ симъ свѣтомъ.
СУЕВѢРОВЪ. Но вы сердитесь на нево напрасно. Не только въ векселяхъ подписано вашею рукою, я и цѣлыя письмы руки

вашей

вашей видѣлъ, изъ которыхъ легко узнать можно честность вашу.

МОТОВЪ. Честь мою? какія это письма? я бы желалъ ихъ видѣть.

СУЕВѢРОВЪ. Вотъ я имѣю одно писанное все вашею рукою къ господину Ансельму; можетъ быть вы и слогъ ево узнаете. Послушайте. *Читаетъ письмо.*

МОТОВЪ. Ахъ, какой негодной! теперь ужъ совершенно вижу, что онъ мнѣ злодѣйствуетъ. Скоро онъ у меня изъ полку вылетитъ, я въ томъ могу увѣрить. Топчасъ во Дворецъ пойду.

СУЕВѢРОВЪ. Естьли только туда васъ пустятъ.

МОТОВЪ. Меня не пустятъ? меня?

СУЕВѢРОВЪ. Такъ, васъ.

МОТОВЪ. Откуда вамъ пришли эти вѣсти? прошу сказать мнѣ.

СУЕВѢРОВЪ. Напрасно господинъ Мотовъ вы меня обманывать стараетесь. Довольно долго я вамъ вѣрилъ; но теперь то время прошло уже. И я тѣмъ доволенъ, что прежде свадьбы узналъ то, что было отъ меня сокрыто.

МОТОВЪ. Что вы узнали?

СУЕВѢРОВЪ. Всю жизнь, и всѣ поступки ваши. И для того коротко скажу вамъ: что бъ вы ни приданаго, ни дочери моей не ожидали.

МОТОВЪ. Что я слышу? вы, сударь, шутите?

СУЕВѢРОВЪ. Вы надо мной довольно пошутили; а я безъ всякихъ шутокъ прошу васъ отнынѣ домъ мой оставить.

МОТОВЪ. Какъ? такъ я обманутъ?

СУЕВѢРОВЪ. Вы меня обмануть хотѣли.

МОТОВЪ. Я вездѣ разгласилъ, что сево дни женюсь на дочери вашей.

СУЕВѢРОВЪ. Вамъ позволено разглашать о себѣ, что вамъ угодно, а я вашъ слуга покорный. *Хочетъ итти.*

МОТОВЪ. *Удерживая Суевѣрова.* Постойте, сударь, я прихожу въ отчаяніе.

СУЕВѢРОВЪ. Пустите меня!

МОТОВЪ. Меня обманывать . . .

СУЕВѢРОВЪ. Что это? въ моемъ домѣ насиліе мнѣ дѣлать.

МОТОВЪ. *Принимаясь за саблю.* Вотъ я тебя стараго чорта . . . Или умри, или тотчасъ давай мнѣ деньги.

СУЕВѢРОВЪ. *Вынувъ саблю обороняется.* Стой! подожди! Избавте меня, сабля вырвалась изъ рукъ.

МОТОВЪ. Молчи! витъ ты мертвецъ . . .

Явленіе 9.

СУЕВѢРОВЪ, МОТОВЪ, ЭРНЕСТЪ, ИВАНЪ.

ЭРНЕСТЪ. Что я вижу. *Бросается къ саблѣ.*

СУЕВѢРОВЪ. Помилуй, избавь меня.

ЭРНЕСТЪ. Ты смѣешь бездѣльникъ . . .

МОТОВЪ. *Бросается къ Эрнесту и столкнувшись съ нимъ.* Пропадешь.

ЭРНЕСТЪ. *Приступя къ нему.* Отдай саблю, ежели не хочешь . . .

МОТОВЪ. *Обороняясь.* Поди прочь.

ЭРНЕСТЪ. Отдай тотчасъ. *Побѣждаетъ и отнимаетъ саблю.*

МОТОВЪ. *Отходя.* Не уйдешь ты отъ моихъ рукъ старой демонъ.

СУЕВѢРОВЪ. Помилуй, государь мой! защити меня.

ЭРНЕСТЪ. Не бойтесь ничево, сударь.

СУЕВѢРОВЪ. Но онъ опять прибѣжать сюда можетъ.

ЭРНЕСТЪ. Прежде самъ паду мертвъ, нежели до пущу здѣлать вамъ какое оскорбленiе.

СУЕВѢРОВЪ. Я отдаю себя подъ ваше покровительство, видите какой онъ бѣшеной.

ЭРНЕСТЪ. Я ево успокою, донесу правительству, и здѣлаю, что ево подъ карaулъ посадятъ.

СУЕВѢРОВЪ. Очень хорошо. Но должно бъ тамъ смотрѣть за нимъ прилѣжнѣе, что бъ онъ опять не прибѣжалъ сюда.

ЭРНЕСТЪ. Я за то отвѣчаю.

СУЕВѢРОВЪ. Но кто-то идетъ . . . Не онъ ли это.

Явленiе 10.

СУЕВѢРОВЪ, ЭРНЕСТЪ, ЗНАТОКОВА, ЕЛИСАВЕТА, АГАФЬЯ, ИВАНЪ.

ЗНАТОКОВА. Что за шумъ здѣсь?

ЭРНЕСТЪ. Ничево нѣтъ, сударыня.

СУЕВѢРОВЪ. Какое ничево. Не чево таить. Господинъ Эрнестъ избавилъ меня отъ смерти.

ЗНАТОКОВА. Что такое здѣлалось?

СУЕВѢРОВЪ. Я разскажу вамъ; какъ только вы отъ меня пошли, то я одинъ сталъ размышлять, что свадьбы ни коимъ образомъ

зомъ отлагать не можно, потому, что другова такъ хорошева дня во всемъ Календарѣ нѣтъ. Уже надумался было отдать Елисавету за ево милость господина Полковника, моево милостиваго государя и брата. Между тѣмъ приходитъ безбожникъ Мотовъ, проситъ отъ меня приданаго, увеличиваетъ свою надобность, лжетъ безстыдно, обманываетъ, вымышляетъ; но ему все то не удалося. Я наконецъ сказалъ ему: что я обо всемъ знаю, о долгахъ ево, о обманахъ и о протчемъ. Онъ видя, что то не шутка, и что уже теряетъ Елисавету, выхватилъ саблю, и сказалъ: или дай мнѣ тотчасъ деньги, или жизнь . . . Выхватилъ и я свою, оборонялся; но она выскочила у меня изъ рукъ. Пропалъ бы я вѣрно, естьли бъ не подоспѣлъ господинъ Полковникъ, милостивой государь мой.

АГАФЬЯ. А смотрѣлъ ли онъ въ Календарь, хорошь ли севоднишней день къ кровопусканію?

СУЕВѢРОВЪ. Пустилъ бы злодѣй вѣрно, естьли бъ господинъ Полковникъ не избавилъ, и ево не выгналъ. Я никогда не ожидалъ, что бъ изъ чужестранцовъ кто былъ такъ честенъ, и столь много добросердеченъ.

ЭРНЕСТЪ. Вы меня, сударь, стыдите.

СУЕВѢРОВЪ. Я вамъ моею жизнію, сударь, долженъ. Поблагодари Елисавета ево милость, поклонися.

ЕЛИСАВЕТА. Я готова исполнить волю вашу.

СУЕВѢРОВЪ. Здѣлай почтенїе Елисавета ево милости. Я ее отдаю вамъ господинъ Полковникъ; но прошу, что бъ вы меня защитили отъ этаго головорѣза.

ЭРНЕСТЪ. Я жизни моей на увѣренїе не пожалѣю, что бъ доказать вамъ, сколь много вамъ благодаренъ.

АГАФЬЯ. Теперь мы всѣ будемъ счастливы.

СУЕВѢРОВЪ. Видите, не солгалъ и сонъ мой; я только въ толкованїи его не много ошибся. Теперь познаю, что вы волкъ доброй, которой вырвалъ Елисавету изъ челюстей злова волка Мотова. Возмите уже теперь ее, какъ вамъ принадлежащую.

ЭРНЕСТЪ. Изьяснить довольно не могу, какъ велика . . .

СУЕВѢРОВЪ. А ты Елисавета довольна ль?

ЕЛИСАВЕТА. Не можно больше, я во всю жизнь мою столько обрадована не бывала.

СУЕВѢРОВЪ. Живите жъ вы счастливо. Но надобно бъ остеречь Оратора, которой говорить рѣчь будетъ, что бы Мотова переделалъ на господина Эрнеста.

АГАФЬЯ. А мой Худековъ гдѣ теперь?

СУЕВѢРОВЪ. Пусть и нога ево здѣсь не будетъ. Каковъ господинъ, таковъ и слуга. Но ежели хочетъ Иванъ . . .

ИВАНЪ. Всѣмъ сердцемъ.

АГАФЬЯ. И я не половиной.

ИВАНЪ. Согласенъ.

АГАФЬЯ. Согласна.

СУЕВѢРОВЪ. Пойдемъ же въ залу. Севодни все должно быть окончано. Нынѣшней день очень хорошъ для свадьбы. Да не идетъ ли сюда опять этотъ плутъ.

АГАФЬЯ. Какъ это вы Дворянина называете плутомъ?

ЭРНЕСТЪ. Не дѣлаетъ то порока имени Дворянскому, когда между ими найдется иногда человѣкъ негодной: всякая страна такими людьми обилуетъ. Что жъ принадлежитъ до почтѣннаго народа Польскаго, то признаться должно, что онъ вообще у всѣхъ въ почтенїи, и многїе за честь себѣ считаютъ быть принятыми въ его сообщество. Чего и я заслужить стараться буду, естьли щастїе мое мнѣ въ томъ поможетъ.

СУЕВѢРОВЪ. Когда всѣ такъ достойны будутъ чужестранцы, какъ вы, то я согласенъ всѣмъ давать наше право.

ЗНАТОКОВА. Теперь вы говорите очень благоразумно. Пойдемъ же, будемъ веселиться.

Конецъ.

71
K

